

Архивное управление Кемеровской области
Государственное казенное учреждение Кемеровской области
«Государственный архив Кемеровской области»

Серия: Культурно-историческое наследие Кузбасса

Выпуск I: Литературный Кузбасс: 1941–1945 гг.

«Они писали о войне»

Сборник документальных материалов

Кемерово 2015

УДК 882(571.17)

ББК 83.3 (2=Рус) 62

Л64

Составители:

Бельков В.И. – старший научный сотрудник отдела информации ГКУ КО ГАКО

Галкин Н.В. – старший научный сотрудник отдела информации ГКУ КО ГАКО

Сборщик С.С. – главный архивист отдела комплектования ГКУ КО ГАКО

Москвина Е.А. – главный археограф отдела информации ГКУ КО ГАКО

Шуманова И.А. – главный археограф отдела информации ГКУ КО ГАКО

Редакционная коллегия:

Добрыдин С.Н., Сапурина Л.И., Болбеко Т.В., Васютина Н.Н.,

Измайлова С.В., Юматова Н.А.

В сборнике представлены архивные материалы из личных фондов кузбасских писателей-фронтовиков: стихи, рукописи, рассказы.

Сборник адресован историкам, студентам, школьникам, широкому кругу читателей, интересующихся историей Кемеровской области.

УВАЖАЕМЫЕ КУЗБАССОВЦЫ!

В нынешнем, 2015 году мы отмечаем Святую дату: 70 лет Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Давно заросли на израненной Земле шрамы окопов. Там, где рвались снаряды и бушевал огонь, выросли новые города и сёла, цветут сады, играют дети.... Но память о войне продолжает свой долгий путь. Её не сотрешь с годами. В каждой Семье есть своя Память, свои Герои: фронтовики и труженики тыла, узники концлагерей и блокадники, вдовы погибших участников войны.

Поэт-фронтовик Эдуард Асадов так написал о войне:

«На восьми фронтах моей Отчизны
Уносил войны водоворот -
Каждую минуту - десять Жизней,
Значит, каждый час уже шестьсот!»

332 тысячи наших Земляков бились с фашистами на всех фронтах военных действий. Наша Кузнецкая Земля дала 190 Героев Советского Союза! Практически каждый второй ушедший на фронт кузбассовец не вернулся к родным очагам, не обнял своих близких. А ведь большинство из них были молодые парни и девчата, которые только начинали жить! Но все они выполнили главный Библейский завет: «Жизнь положили за други своя».

А как не сказать о великом Подвиге тружеников тыла! Наши шахтёры трудились и за Кузбасс, и за Донбасс, который в те годы был оккупирован фашистами. С тех пор – то и повелось: Кузбасс-Донбасс – шахтерское братство. На весь мир гремела и Слава наших металлургов. Каждый второй советский танк был одет в кузнецкую броню! Газета «Правда» от 27 июня 1945 года так писала о трудовой доблести наших земляков: «Труженики Кузбасса были незримыми участниками великого штурма Берлина!»

Уважаемые Земляки! Вы сами видите, каким нападкам сегодня подвергается наша Победа, с какими подлыми, позорными заявлениями выступают наши враги, как они стараются очернить великий Подвиг нашего народа, наших отцов и матерей, дедушек и бабушек! И мы должны дать этому жёсткий отпор! Главное, чтобы наши дети и внуки знали о том, как война прошла через их собственную Семью, через их собственные корни, какой ценой досталась нам Победа! И насколько важным является здесь живое слово самого участника войны, его строки, написанные нередко перед последним боем, перед последним вздохом...

Вы держите в руках книгу стихов, очерков наших писателей-кузбассовцев, не на словах узнавших, что такое ВОЙНА. Из самого пекла боёв, кровью своих Сердец они писали эти стихи. И их строки, опаленные пламенем сражений, были не менее мощным оружием, чем боевое оружие армий. Слово военного писателя вселяло надежду, Веру в Победу, придавало силы людям на фронте и в тылу.

Их слово сегодня – это пример неодолимой Духовной мощи нашего народа, это Память для нас и многих последующих поколений. Читайте, перечитывайте эти строки, помните и не позволяйте никому забыть правду о Великой Отечественной войне и о нашей великой Победе.

Мира, Добра, Здоровья и Благополучия Вам и Вашим близким!

С уважением,

Губернатор Кемеровской области

А.Г. Тулеев

ОДНА СУДЬБА НА ВСЕХ

Память далёкая и близкая. Память, которую мы сегодня берегаем для детей и внуков. Без памяти исторической и сегодняшней не может быть народа, государства. Когда-то мы познавали этот мир по книгам и летописям наших дедов и прадедов. Из литературы мы учились отличать добро и зло, правду и ложь.

Родившись после войны, я узнавал о ней из книг писателей-фронтовиков: В. Каверин «Два капитана», М. Шолохов «Судьба человека», А. Твардовский «Василий Тёркин». Взрослея, я находил в областных газетах «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса» публикации наших местных писателей Е. Буравлёва, М. Небогатова, А. Волошина, Г. Молостнова и др. Стихи и проза меня тревожили, волновали, оттого, наверное, что это были писатели-фронтовики. Летописцы лет огненных. Они несли нам правду жизни. Запахи гари и дыма и оттаивающих подснежников ощущались вживую и читались между строчками. Поэты, пережившие войну, запечатлели то время, события того времени, и теперь никто не сможет исказить исторической правды моего народа.

Отец мой, Василий Петрович, был скуп на разговоры о войне. Только когда из домашнего репродуктора звучали песни о войне, я иногда замечал в его глазах скупые мужские слёзы. В 1941 году под Москвой он был тяжело ранен, а друг его погиб на его глазах.

Для меня с детства война – это что-то страшное, несправедливое, неподдающееся никаким человеческим законам.

ЗАПОВЕДЬ

На грешную жизнь не ропщите. –

Всё было, всё будет в судьбе.

Друг в друге врага не ищите,

Но Бога ищите в себе.

Друг в друге лишь друга ищите,

Отринув хулу и вранье,

И памяти тонкие нити

Не рвите во имя своё.

Писатели-фронтовики были нашими первыми писателями-летописцами. Они стояли у истоков нашего писательского Союза. Об этом мы должны помнить и не забывать. Поэтому слова особой признательности хотелось бы выразить работникам Государственного архива Кемеровской области за настоящий сборник – серьезную работу по увековечиванию славного пути наших земляков, писателей-фронтовиков. Ведь за каждой строкой – тепло души писавшего о войне, боль за народ и Отчизну.

Издание, безусловно, – дань высочайшего уважения и признания всем защитникам нашей Великой Родины!

**Заслуженный работник культуры Российской Федерации,
Почетный работник культуры Кузбасса,
Председатель правления Союза Писателей Кузбасса**

Борис Бурмистров

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели!

В ваших руках сборник архивных документов «Литературный Кузбасс: 1941–1945 гг. Они писали о войне», подготовленный коллективом Государственного архива Кемеровской области и посвященный знаменательной дате в истории нашей страны – 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Несколько слов об истории создания данного сборника.

В фондах Государственного архива Кемеровской области хранится множество самых разнообразных документальных материалов периода Великой Отечественной войны, а также документов более позднего времени, в той или иной степени связанных с войной. Поэтому на первом этапе нашей работы встал вопрос, какого рода архивные документы о войне должны быть положены в основу будущего сборника.

Исходя из предложенного названия сборника и принимая во внимание, что это, по сути дела, первая книга из серии «Культурно-историческое наследие Кузбасса», нетрудно заключить, что речь должна была идти о литературных текстах – в прозе и стихах, посвященных войне и созданных литераторами, проживавшими на территории Кузбасса. Причем не столь существенно, когда эти литературные произведения были написаны – в период Великой Отечественной войны или в послевоенное время. Главное условие, которое мы перед собою ставили – это чтобы их авторы, профессиональные кузбасские поэты и прозаики, сами являлись фронтовиками, участниками боевых действий, очевидцами тех событий, о которых они писали. Выявление и публикация такого рода документальных материалов, несомненно, позволило бы по-новому взглянуть на то, как отражалась великая война в художественной литературе Земли Кузнецкой, какое влияние оказывала она на литературные (и шире – культурные)

процессы в Кузбассе. В этом видится одна из целей нашего сборника. Удалось ли ее достичь – судить читателям.

Поиск документальных материалов для создания этого сборника проводился по нескольким направлениям. Какие рассматривались варианты?

Во-первых, в справочно-информационном фонде нашего архива хранятся бесценные подшивки городских и районных газет Кемеровской области, относящихся к военному времени. В этих раритетных периодических изданиях иногда публиковались рассказы или стихи о войне. Но, к сожалению, их авторы, нередко скрывавшиеся за псевдонимами – не профессиональные литераторы, а любители (чаще всего из местных журналистов).

Большой интерес для исследователей представляет архивный фонд воспоминаний (П–483), в котором, в частности, собраны десятки бесценных воспоминаний кузбассовцев-ветеранов Великой Отечественной войны. Но опять же среди них мы не находим ни одного профессионального писателя или поэта, хотя справедливости ради следует признать, что некоторые воспоминания написаны великолепным русским языком.

Наконец, в Государственном архиве Кемеровской области находятся на хранении несколько десятков фондов личного происхождения. Фондообразователями, как правило, являлись жители Кузбасса, в нашей области хорошо известные, в свое время достигшие определенных высот в различных сферах деятельности. Среди них, например, личные архивные фонды Р.Ф. Лобановой (Р–1153) и Б.С. Антонова (Р–1353), много писавших о Великой Отечественной войне. Для своих публикаций они широко использовали воспоминания фронтовиков, но сами участниками войны не являлись. К тому же они были профессиональными журналистами, а не литераторами.

Тем не менее, среди фондов личного происхождения, хранящихся в нашем архиве, имеется несколько фондов, принадлежащих известным в Кузбассе профессиональным поэтам и писателям, которые являлись

непосредственными участниками Великой Отечественной войны. Именно на них в конечном итоге и решено было остановиться.

При составлении настоящего сборника были использованы документы следующих архивных фондов:

- личный фонд Буравлёва Е.С. (Р–1161), поэта, писателя, драматурга;
- личный фонд Доронина Г.А. (Р–1167), поэта, журналиста;
- личный фонд Молостнова Г.М. (Р–1248), писателя, журналиста;
- личный фонд Небогатова М.А. (Р–1250), поэта, журналиста;
- личный фонд Рудина В.Г. (Р–1240), писателя, заслуженного работника культуры РСФСР. Справедливости ради следует заметить, что В.Г. Рудин на фронте не был, но, являясь современником и очевидцем событий, много писал о войне.

Каждый из вышеперечисленных фондов представлен отдельным разделом, содержащим краткую биографическую справку о фондообразователе, информацию о составе фонда и истории его формирования, стихотворные и прозаические тексты, отобранные для публикации. Сборник проиллюстрирован обширным фотографическим материалом, а также факсимиле некоторых наиболее интересных рукописей, поскольку внешний вид документов зачастую представляет интерес, как с исторической, так и с культурно-бытовой точки зрения.

Литературные произведения, собранные в сборнике, публикуются по авторским рукописям, с учетом всех последних авторских правок и изменений.

Тексты документов переданы с точным сохранением стилистических и языковых особенностей, но поскольку сборник рассчитан на широкий круг читателей, орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами русского языка. При публикации сохранены все особенности подлинных документов в написании фамилий, географических названий и т.д. В текстах документов сохранены характерные авторские выражения, неточности или ошибки, в таких случаях в скобках указано: «так

в документе». В целом, археографическая обработка представленных архивных материалов проведена в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990).

В состав научно-справочного аппарата входят: содержание с перечнем публикуемых документов, список встречающихся сокращений, список использованных фондов.

В заключение следует отметить, что это не первый и, надеемся, не последний проект, осуществленный силами Государственного архива Кемеровской области и связанный с распространением и популяризацией, особенно среди современной молодежи, исторических знаний, исторической правды о великой войне советского народа против фашизма. Надо ли говорить, какое огромное и непреходящее значение имеет подобная работа в наше такое тревожное и сложное время. Документальные материалы, представленные в сборнике, могут быть широко использованы в воспитательных целях, в учебно-образовательном процессе, на уроках истории, литературы, русского языка при проведении мероприятий, посвященных знаменательным датам нашей истории.

Буравлёв Евгений Сергеевич (1921- 1974)

Евгений Сергеевич Буравлёв – поэт, прозаик, драматург, родился 27 сентября 1921 г. в селе Гридино Спас-Деменского района Калужской области в семье строителей-железнодорожников.

С родителями побывал на многих стройках страны. В 1938 г., после окончания средней школы в поселке Промышленная Новосибирской области, поступил, по комсомольскому призыву, в Иркутское военное авиационно-техническое училище ВВС РККА. Окончив училище в 1940 г.,

получил звание военного техника 2-го ранга и всю войну, до 1945 года, служил в частях военно-воздушных сил и инженерных войск на Западном, Прибалтийском, 3-м Белорусском фронтах. Был трижды ранен, горел в самолете, третье тяжелое ранение получил под Кенигсбергом. Награжден орденом Красной Звезды и боевыми медалями. Окончил войну в г. Пилау (в настоящее время – г. Балтийск).

В июне 1945 г. в составе сводного батальона 3-го Белорусского фронта Е. С. Буравлёв участвовал в Параде Победы в г. Москва.

После войны был демобилизован из рядов Советской Армии и направлен работать в Заполярье, в полярную авиацию Главсевморпути – инженером аэропорта, бортмехаником на гидросамолетах. В 1948 г. Е.С.Буравлёв стал работать, как когда-то его родители, на строительстве железных дорог – инженером технической инспекции на строительстве заполярной железной дороги Салехард – Игарка, а с 1952 г. – главным инженером комбината промпредприятий на строительстве железной дороги Сталинск (Новокузнецк) – Абакан.

Первые стихи Е. С. Буравлёва были опубликованы в 1953 г. в альманахе «Енисей» и в журнале «Сибирские огни». В 1956 г. в Кемеровском книжном издательстве вышел сборник его стихов «Кладоискатели».

В том же году он поступил на заочное отделение Литературного института им. Горького, который окончил в 1961 г. К этому времени он автор двух поэтических сборников и поэмы «Красная горка» (дипломная работа).

С 1961 г. Е. С. Буравлёв – член Союза писателей СССР.

В 1962 г. поэт переехал из г. Междуреченска в Кемерово и в течение десяти лет возглавлял созданное в том же году Кемеровское отделение Союза писателей РСФСР.

Е. С. Буравлёв – автор сборников стихов, поэм, повестей, пьес, очерков. На его стихи были написаны песни: «Песня о Междуреченске» [муз. Е. Лугова], «Марш молодости Кузбасса» (муз. Г. Григоренко).

Умер Е. С. Буравлёв в сентябре 1974 г.

В ноябре 1974 г. документальные материалы поэта были переданы в госархив его женой, Е. К. Скляровой. После научно-технической обработки был сформирован личный фонд Е.С. Буравлёва (Р-1161), насчитывающий 47 ед. хр. за 1942–1974 гг. Основную часть фонда составляют творческие материалы – рукописи его произведений. Сборники стихов: «Кладоискатели» (1956 г.), «Родник у дороги» (1960 г.), «Узнаю тебя, друг...» (1961 г.) и др.; поэмы: «Красная горка» (1958-1960 гг.), «Первая плавка» (1960-1963 гг.); повести: «Шкипер Чик» (1965-1967 гг.), «Приключения малышки-Маришки и ее дружка-Лопушка» (1967 г.), «Адмирал Чазыбук» (1968 г.) и др.; пьесы: «Жемчужины Сибири» (1963 – 1964 гг.), «Сеанс гипноза» (1964 г.), «На крыльях мечты» (1964-1965 гг.) и др. Он написал либретто для оперетт «Жемчужина «Сибири» и «На крыльях мечты», поставленных в музыкальных театрах Кузбасса и г. Омска. В личном фонде Е.С. Буравлёва сохранилась уникальная рукопись – своего рода фронтовая тетрадь, в которой собраны ранние стихи поэта за период 1942–1949 гг. Он начал

записывать в тетрадь свои первые стихотворные опыты, находясь на излечении в госпитале в Магнитогорске в январе 1942 г.

В фонде есть рукописи очерков, статей, рецензий, выступлений на радио и телевидении, а также заметки, статьи, опубликованные под псевдонимом «Е. Сергеев», материалы к его биографии, переписка с организациями и частными лицами.

Военной темы поэт касался крайне редко, есть всего несколько стихов. В одном из своих стихотворений он признавался: «Я не пишу о войне, трудно писать о войне...». Некоторым поэтам-фронтовикам память о войне, наверное, мешала о ней писать.

Буравлёв Е.С. Фотография. [1942 г.]

ГАКО. Ф. Р-1161. Оп.1. Д. 1. Л.1.

№ 1

Я МСТИТЬ ВЕРНУСЬ

Ошиблась смерть, объята зря раскрыла.
Пусть правда, что рука не ляжет на штурвал,
Что не летать мне птицей быстrokрылой,
Не штурмовать врага, как штурмовал.
Я слез не выжму, раны – пустяки,
Но за потерянные капли крови
Свинцово-тяжело сжимаю кулаки,
Плотней сдвигаю к переносью брови.
Не к тишине палат – я к грохоту привык.
Пусть ненависть к врагу мои залечит раны.
Чтобы в боях прославить русский штык,
Я снова под знамена боевые встану
И мстить вернусь – не трус, не ротозей,
А сталинский солдат непобедимый –
За кровь свою, за кровь своих друзей,
За кровь защитников страны родимой!

15.01.1942 г.

г. Магнитогорск (госпиталь)

№ 2

ПОБЕДИТЬ!

В этом слове народная воля.
Сталевар с этим словом на вахту встает,
Трактористка в груди это слово несет,

Выезжая в колхозное поле.

С этим словом бойцы рядовые
И седой командир, партизанский отряд,
Не жалея ни крови, ни жизни, творят
Для отчизны дела боевые.

Победить! И не будет другого.
Победить! И вперед, но ни шагу назад.
Победить! Потому что сегодня сказал
Сталин это зовущее слово!

1942 г.

**Е.С. Буравлёв с супругой В.У. Савицкой. Фотография.
г. Междуреченск. 1955 г.
Из личного архива В.У. Савицкой**

Победить!

В этом слове парадная воля.
 Стальвар с этим словом на вахты вешает,
 Пирамидарника в груди это слово несет,
 Выезжает в колхозное поле.

С этим словом боины редовые
 И сегой командир, партизанский отряд,
 Не пашет ни крови, ни пашут, и вояры
 Дни отлучают дела боевые.

Победить! И не будет друзей.
 Победить! И вперед, по твоему приказу.
 Победить! Потому что сегодня сказал
 Сталин это зовущее слово!

—

Стихотворение Е.С. Буравлёва «Победить». 1942 г.

ГАКО. Ф. Р-1161. Оп.1.Д.1. Л. 17.

Подлинник. Рукопись. Чернила.

II

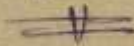
I - вое. (Михолевичъ Анна).

Лесу непрощенные огрехи ...
Колы пою и слышу их тупее,
Лишь у себя от заснувших,
Ботъ лоскут, маленькую погребь.
Ты же дит, наивны пологачице
В либуе с засочными цветами,
И сохранишь же, если сможешь,
В знак: скрапной дружбы между нами.
С не покат любви твоей,
Да и пайти се безвласиан —
Ты в твоей аутолоке днешь
Илиши маленькое селенье.

Фрагмент рукописи Е.С. Буравлёва. 1943 г.
ГАКО. Ф. Р-1161. Оп.1.Д.1. Л. 32.
Подлинник. Рукопись. Чернила, карандаш.

25

Напряжённость, словно криком
Словом города вставит.
Видно слышала уже колокольни
Порозь слова востановит.
Новый роз гит нас небес -
Намь армиям и гит
И на занав и востанов...
По гит немцев - востанов роз.

Раздумье.

Сестра, прощай слова, присядь у изголовья -
С новой раздумьем поднимай слова,
Как и со мной поднималась кровью.
Нам будет востанов дрова.
Ты поднималась, как это обычно,
Когда востанов и с новыми востанов,
Когда конца востанов не видна
И востанов одно и то же слово.
Торой мне востанов - в востанов слова
И слова востанов, как востанов и востанов,
И то это востанов востанов слова,
Востанов без востанов востанов - востанов.
И слова востанов востанов в востанов востанов,
Раздумье востанов за востанов востанов
И востанов востанов, это и востанов востанов,
И это востанов в востанов востанов.
И это востанов востанов и востанов
И востанов востанов, и востанов востанов
Востанов!
И востанов - это востанов востанов -
Востанов без востанов востанов.

Фрагмент стихотворения Е.С. Буравлёва «Раздумье». 1943 г.
ГАКО. Ф. Р-1161. Оп.1. Д.1. Л. 23.
Подлинник. Рукопись. Чернила.

ПОБЕДА

Друзья, нет слов, чтоб радость передать.

Победа! Долгожданная победа!

Ее руками можно щупать, брать.

Она, как тень, идет за нами следом.

В дыханьи ветра, в зелени листвы,

В песке скрипучем, в рокоте прибоя,

В весеннем небе – чувствуете вы? –

Она, как песнь и как вино хмельное.

И хочется забыть про кровь и про войну.

Друзья, поднимем кружки мы вначале

За славу Родины, победу, за весну,

Которую в боях не замечали.

Теперь за тех, кто здесь навек остался

И никогда не возвратится в дом –

Пусть слезы горечи смешаются с вином.

Родные, вот она, победа, за окном!

Давайте гимн, отчизны гимн споем,

Чтоб до нее он эхом расплескался!

12.00.

8.05.1945 г.

Коса Фриш-Нерунг (Восточная Пруссия)

РАЗДУМЬЕ

Сестра, прошу тебя, присядь у изголовья –
С тобой раздумьем поделюсь своим,
Как ты со мною поделилась кровью.
Нам будет веселей двоим.

Ты понимаешь, как это обидно,
Когда бессилён я с постели встать,
Когда конца лечению не видно,
И впереди одно и то же опять.
Порой мне кажется – я выздоровел снова,
И снова крепок, как гранита твердь.
И то, что прежде было страшным словом,
Теперь без страха называю – смерть.
И снова хочется сжимать в руках оружие,
Разить врага за слезы матерей
И гордо чувствовать, что ты отчизне нужен,
И что стоишь в строю богатырей.
И что идешь упорством и смекалкой,
И силой гнева, и огнем любви
Вперед!
И знать: что прежде было жалко –
Теперь без сожаленья раздави.
И так дави, чтобы, вздохнув свободно,
Прогнав морщины горечи со лба,
Увидел, что бандит международный
Распластан у позорного столба!

Сестра, прошу тебя, присядь у изголовья –
С тобой раздумьем поделюсь своим,
Как ты со мною поделилась кровью.
Нам будет веселей двоим...

1943 г.

№ 5

МЕСТЬ

Пока в руках горячий автомат,
Пока в обойме есть еще патроны,
Пока родные города горят,
И горе мучает до скрежета, до стога –
Нам не уйти с кровавого пути,
Где месть срослась с калеными штыками!
Нам не уйти, назад не возвратив
И каждый дом, и придорожный камень!
И если я, пронизанный свинцом,
Уйду, забытый в горе человеческом –
Я встану призраком перед твоим лицом,
Возложив месть свою тебе на плечи,
Чтоб сердце жег расплавленный металл,
Чтоб искра мести разгорелась в пламя,
Чтоб нес и нес ее, пока не отквитал
За каждый дом и придорожный камень...

1942 г.

**На фотографии члены Союза писателей РСФСР (слева направо):
О. Павловский, А. Волошин, В. Махалов, Е. Буравлёв. 1970 г.**

Архив литературного журнала «Огни Кузбасса»

Е.С. Буравлёв. Фотография. [1970-е гг.]

Архив литературного журнала «Огни Кузбасса»

№ 6

А. С-кой [так в документе]

Вы давно в моем воображении.
Я искал Вас в холодах Сибири,
В Польше, Бессарабии. Стремление
Трудное – одна Вы в мире.
Я искал Вас по степям Украины.
Я не знал, что встретимся нежданно.
И случилось так – больной и раненый,
Повстречал свой идеал желанный.
И ему отдался целиком.
И труды моих благих исканий
Увенчались лавровым венком,
Наградив томленье ожиданий.
И теперь, когда Ваш силуэт
Вижу я, не грезя, пред собою,
Я скажу:
– Как счастлив ты, поэт,
Вместе с путеводною звездой.

23.03.1942 г.

№ 7

ПОДСНЕЖНИК

На краю воронки от разрыва бомбы
Утром я подснежник голубой сорвал.
Мне бы его бросить, позабыть о нем бы –
Но о чем-то близком он напоминал.

Положил его я в воду у пневматика.
– Береги, – механику своему сказал. –
Дам после полетов любопытным: Нате-ка,
Вот какого цвета милые глаза.

Апрель 1942 г.

№ 8

РАЗГОВОР С МАЙОРОМ

Пристаю я к майору: – Пошлите меня
Поскорее на фронт в третий раз.
– Что торопитесь так? Или в буре огня
Ожидает любимая вас?
– Да, любимая ждет. Только здесь, далеко
От разрывов снарядов и мин.
Я готов, чтобы снова дышалось легко,
С целым миром сразиться один.
Вы же знаете: встретить подругу скорей
Я смогу, победив. В бой иду –
Я решил: или с жизнью расстаться своей,
Или встретиться в этом году.

20.05.1942 г.

г. Молотов [в наст. время – г. Пермь]

№ 9

В. ХАРЬКОВУ

Я не забуду никогда,
Как вместе время проводили,
Как мы с тобою без труда
В палатах вместе дни прожили.

Но мне пора, скорей, скорей
На Запад огненнодышащий –
За счастье родины своей
Я снова ринусь в бой, гремящий
По всей планете. Я в бою
Не пожалею кровь свою.
1942 г.

№ 10

ВСТРЕЧА

Диском винта воздух хватая,
С ревом стальная птица
Краснокрылая в бой взлетает,
Врагу навстречу мчится,
Что в облаке точкой тает.
Враг заметил трусливым взором
Грозную силу – прячется.
Он не будет хозяин просторам,
В бою не станет артачиться –
Лучше сбежит в облака с позором.

И вместе коротали жизнь солдата.

Теперь на фронт. И снова грудь под пули

Подставляю я для счастья других.

Да и пора – мы славно «отдохнули»

Под сению Гермесова слуги.

1942 г.

№ 12

НЕВА

– Стой, – сказал лейтенант. – Посмотри

На спокойные воды Невы.

Сколь столетий тебя стерегли

От набегов врага. Ну, а вы?

Вы хотели ее осквернить –

Память старой Петровской Руси

И Октябрьских дней... Нет, не пить

Вам воды из Невы... Не проси,

Не проси на коленях меня.

Не дрожи, или шкуру свою

Бережешь? Ты ж ее променял

На грабеж в чужеземном краю.

Ну да ладно – ведь ты не поймешь.

Посмотри еще раз на Неву:

Нервной ряби во сне не найдешь,

Не увидишь ее наяву.

Только гневной, могучей волной

Бьет в крутые свои берега –

Знает, старая, край свой родной
Отстоим, уничтожив врага.

Подвели офицера ко рву,
Расстреляли. И молвил комвзвод:
– Посмотрел Ленинград и Неву,
Как хотел, начиная поход.
Не завидую, право, я вам.
Зря вас страсть воровская влечет...

И по-прежнему бьет к берегам
Волны гнева святая Нева.
В этом гневе, я слышу, течет
Песнь моя и народа молва.

Май 1942 г.

ГАКО. Ф. Р-1161. Оп.1.Д.1.
Подлинник. Рукопись. Чернила.

Личный фонд Евгения Сергеевича Буравлёва.
ГАКО. Ф. Р-1161, 47 ед. хр. 1942-1974 гг.

Доронин Георгий Антонович (1904-1943)

Георгий Антонович Доронин – журналист, поэт, родился в деревне Новой Загваздинской волости Тобольского уезда Тобольской губернии (в настоящее время – территория Омской области) в апреле 1904 года в семье крестьянина. В 1914 г. окончил Филинское уездное училище. В возрасте 16 лет на волостном сходе был избран секретарем волостного отдела народного образования. По решению уездного комитета РКСМ (Рабоче-крестьянский союз молодежи) Г.А. Доронин получил звание сельского корреспондента, а в 1924 г. по комсомольской путевке переведен на работу в окружную газету «Северянин» в г. Тобольск, заведовал крестьянским сектором. В это время появились в печати его первые стихи.

Осенью 1925 г. отделом печати ЦК ВКП(б) Г.А. Доронин направлен журналистом в редакцию краевой газеты «Сельская правда» г. Новониколаевск (с 1925 г. – г. Новосибирск). В 1927 г. его стихи публикуются в сборнике «Подпасковадулейка», изданном в Москве Всероссийским обществом крестьянских писателей, тогда же его принимают в члены этого общества, а в 1928 году Доронин участвует в работе Всероссийского Съезда крестьянских писателей, где встречается с М. Горьким.

В 1934 г. Г.А. Доронин был назначен редактором газеты «Колхозная жизнь» в г. Камень, а в 1936 – заместителем редактора краевой газеты «Сельская правда». В краевых газетах и журналах («Сибирские огни», «Красная сибирячка») публикуются его очерки и стихи, посвященные

коллективизации, становлению колхозного строя, а поэмы «Земля подшефная» и «Сто миллионов» вышли отдельными изданиями.

В марте 1940 г. Г.А. Доронин был командирован в г. Сталинск (с 1961 г. – г. Новокузнецк) ответственным редактором городской газеты «Большевицкая сталь» (впоследствии – «Кузнецкий рабочий»). На фронт его не взяли, и он решил стихами делать все необходимое для Победы. Кроме основных выпусков газеты, выходили номера-листовки, посвященные сводкам с фронта, итогам социалистического соревнования. В мартеновских цехах КМК (Кузнецкого металлургического комбината) появился герой листовок в стихах Ваня Плавкин («Похождения боевого сталевара Вани Плавкина»). Об этих листовках писали газеты «Правда» (март 1942 г.) и «Известия» (17 мая 1942 г.).

Летом 1942 г. в составе Сибирской стрелковой дивизии Г.А. Доронин добровольцем ушел на фронт, получив звание капитана и назначение секретарем фронтовой газеты «Боевая красноармейская». На фронте он почувствовал еще большую потребность писать стихи, которые также печатались в виде листовок. Ваню Плавкина в них сменил Саша Сибиряков, который рассказывал о событиях на фронте: «Саша Сибиряков принимает присягу», «Саша получает винтовку», «Саша открывает счет мести», «Саша идет в атаку», «Саша у огонька». Поэма «Саша Сибиряков» – своеобразная летопись боевых дел дивизии сибиряков-добровольцев, сказание о подвигах ее героев. Г.А. Доронин называет в ней конкретные имена бойцов – артиллеристов, автоматчиков, связистов, санитарок, отличившихся в сражениях. Многих из них автор до войны знал лично. По словам товарищей, он вел подробные записи, собирал материал для будущей книги о сибиряках на войне. Самого Г.А. Доронина бойцы называли «наш Саша Сибиряков». По словам писателя А. Коптелова, друга поэта, побывавшего в дивизии: «Разобрать, где автор, а где герой, было нелегко». Здесь же, в дивизионной типографии, была издана книжка стихов Г.А. Доронина «Сыны великого народа».

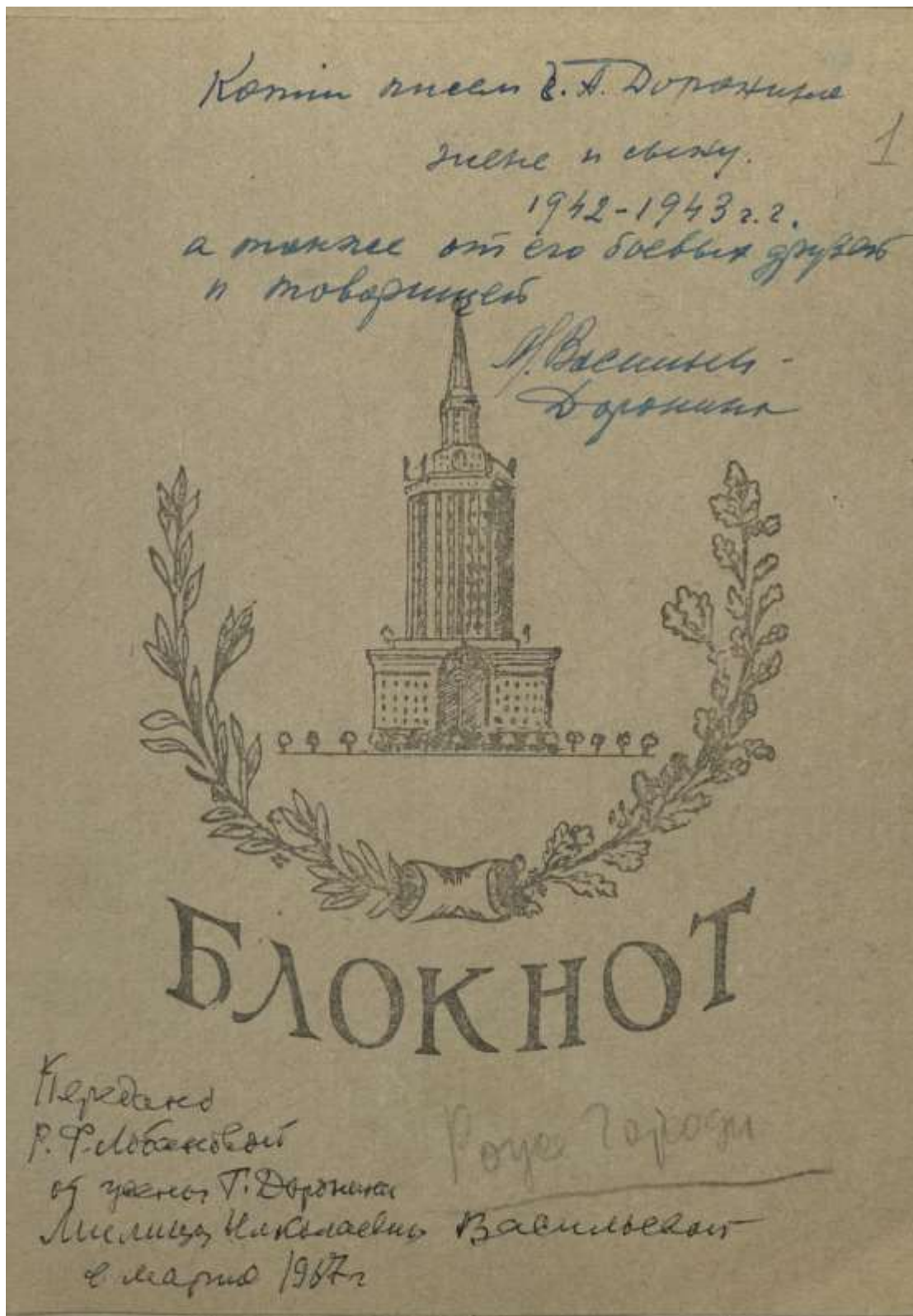
Свои стихи и статьи во фронтовую газету чаще всего он писал на переднем крае. В наградном листе было записано: «В дни наступательных боев капитан Доронин не выходил из боя, все время в частях, с бойцами и командирами». Поэт был награжден медалью «За боевые заслуги».

10 августа 1943 г. под г. Ельня, сидя на краю траншеи, он что-то писал для газеты. Начался обстрел, и Г.А. Доронин погиб от ранения осколком мины.

Тетрадь с поэмой «Саша Сибиряков» была передана жене поэта Милице Николаевне Дорониной (урожд. Васильевой) в 1962 году. Весь архив мужа она в 1967 г. передала известной кузбасской журналистке Р.Ф. Лобановой.

В 1988 г. госархив принял документы поэта от Р.Ф. Лобановой на постоянное хранение, и был сформирован личный фонд Г.А. Доронина (Р-1167) за 1919–1967 гг.

Фонд содержит биографические материалы (удостоверения); документальные материалы, собранные и систематизированные Г.А. Дорониным (вырезки из газет с публикациями его статей, очерков); отдельные издания его произведений («Батрак», «Мобилизуем активность», «Большевики - первомайцы», сборник «Подпасковадулейка» и др.); тетрадь с рукописью поэмы «Саша Сибиряков» и вырезками из фронтовой газеты; фронтовые очерки; копии фронтовых писем Г.А. Доронина жене и сыну; письма однополчан и подполковника запаса В.Е. Киряева жене Г. А. Доронина – М.Н. Дорониной; очерк Р.Ф. Лобановой «Смерть должна подождать», фотографии.

Обложка блокнота с письмами Г.А. Доронина жене и сыну.
 ГАКО. Ф. Р-1167. Оп.1. Д.18. Л.1.Копия. Рукопись. Чернила.

Трудами с гурьма!

Ты бы по этому обещанию передал мне лично
Филиппу Филипповичу Рыбников. Он был у нас
двухлетним трудящимся Кемеровской об-
ласти. Я видел его здесь, разговаривал
с ним. А он видел, как мы здесь живем
и работаем. Он рассказывает тебе то, о чем
не всегда пишут в газетах.

Проводить их обратно было несколько трудно.
А прощай мы на пароходе:

Дни свободной очень хороши,
Настает разлуки где.
Ужасно на нас гонят,
Коссаменты от нас.

Где несколько мгновений
их потухнут голоса
Отвернется нам невдалеке,
Да бродит, да жалеет...

Да смирят проклятых немцев
Двоты, полне криком....

На этом пока поставь точку, эти бы не
написали больше по гурьмским настроением.

Твоего котта 2/26
Копираю Доронику
Эрмий Ковтти адрес
Кашинский адрес. Если бы была еще
голова Ковтти, который еще 7 немцев.

Письмо Г.А. Доронина жене. 20 марта 1943 г.

ГАКО. Ф. Р-1167. Оп.1. Д.18. Л. 18.

Копия. Рукопись. Чернила.

1/1 1943г. Славике на ёлку.

39

41

Замесили же зрело сбере,
Пески пойте, как вбере
Тутъ вам светит в этомъ берег
Новобродная звезда.

Тутъ тучевог не знает сердце
В вашей радостной кругу,
Вам покай от зверь кинце
А на фронте беречу.

Тамъ же радостные вонюхи, —
Я приду на склоне дню,
И тогда мы в тихий берег
Сядем, в шее у огня.

А пока винтовки, пушки
Говорят и день и ночь
Мы из каждой деревушки
Взрываем немца тучь.

К вам под светом летящих мины,
Сквозь шум цветных ракет
Мно на ёлку свой гостинез,
Маме, Славике — привети!

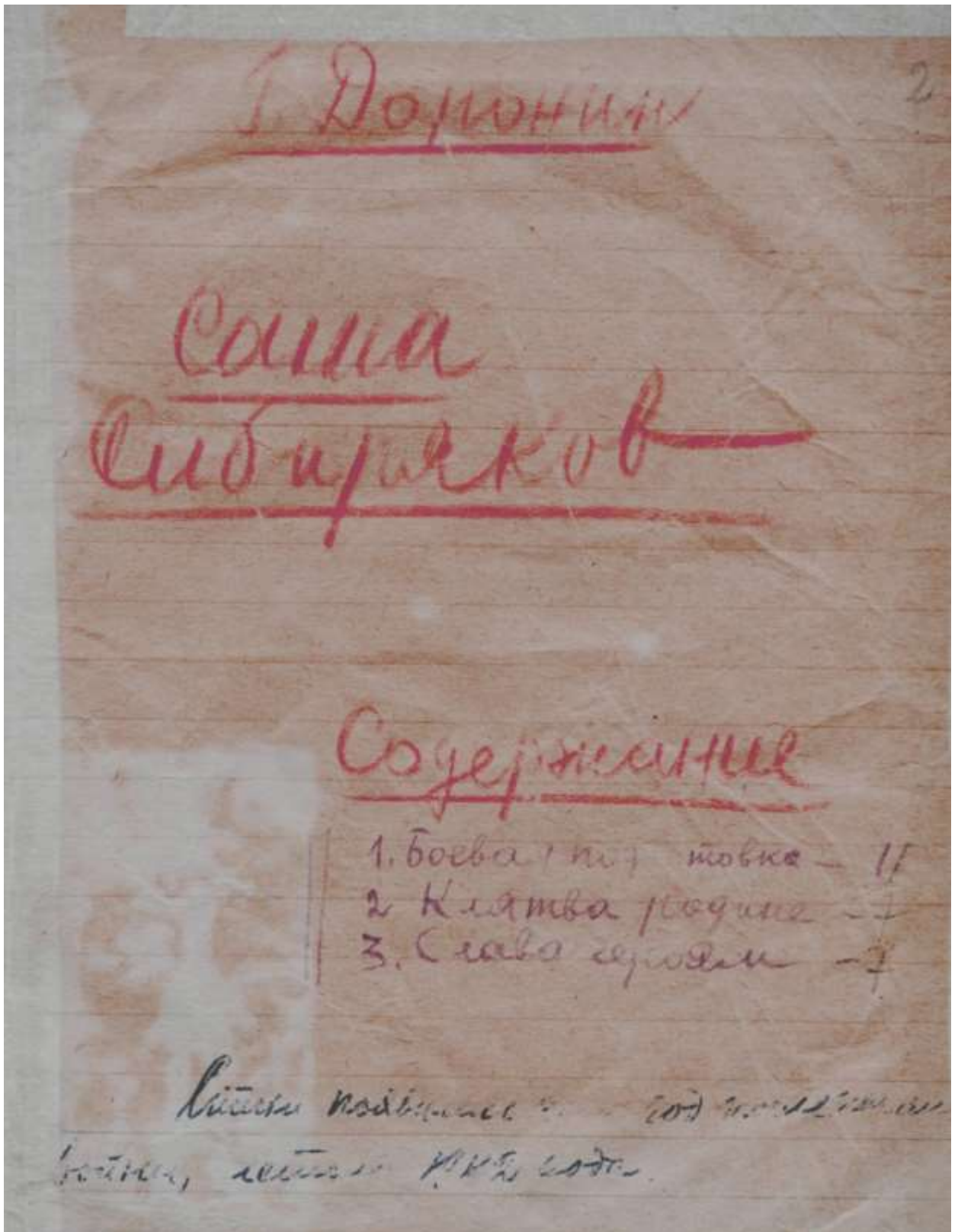
Январь 1943 год

Моя мама Г. Доронина

Письмо Г.А. Доронина сыну Славе. 1 января 1943 г.

ГАКО. Ф. Р-1167. Оп.1. Д.18. Л. 41.

Копия. Рукопись. Чернила.

Обложка тетради с поэмой Г.А. Дорониной «Саша Сибиряков». 1942 г.
ГАКО. Ф. Р-1167. Оп.1. Д.15. Л.2.
Копия. Рукопись. Карандаш. Чернила.

САША СИБИРЯКОВ

У товарища Копылова¹
Наш разведчик Саша снова
Был в походе эти дни.
В роще встретил Копылова,
Окруженного людьми.

На привале отдыхая,
Чутко слушают бойцы,
Как за честь родного края
Воевали их отцы.

Враг пытался силой грозной
Покорить сибиряка.
Мы в Иркутске в день морозный
Расстреляли Колчака.

И пылают мезтью жгучей
Стариковские глаза
Политрук встает могучий
Доброволец-партизан.

И бойцы, усталость кинув,
Со старика не сводят глаз
У него своих три сына
В Красной Армии сейчас.

Да еще дочурка Валя
Метко шлет врагу свинец
За сынами в путь бывалый

¹ С. Копылов – старший политрук, политический руководитель роты (прим. автора)

Сам отправился отец.
В час для родины суровый,
Когда нас терзает враг,
В руки взял оружие снова
Старый воин-сибиряк.

И бойцы за ним сегодня
Все идут в жару и в дождь.
И не дрогнув, с ним на фронте
В бой рванется молодежь.

Силы, мужество утроив,
Отомстим врагу сполна.
О сибирских, о героях
Будет песни петь страна.

САША СИБИРЯКОВ ПРИНИМАЕТ ПРИСЯГУ.

Золотой росой блистая
Песню пел зеленый лес.
Солнце радостное встало
Нас приветствует с небес.
Наливаясь сочной влагой,
Травы сочные цвели.
В этот ясный день присягу
Принимать бойцы пришли.
Вышел Саша перед взводом
И под сенью двух берез
Он советскому народу
Клятву верности принес.

Беспокойный ветер вьется,
Каруселит над рекой.
Звонкий голос раздается
Минометчика Рябко.²
-Я клянусь своею жизнью
Светлым именем вождя,
За любимую отчизну
Биться, жизни не щадя.
Вырос он в семье свободной
Этот юный патриот
Он с порывом благородным
В бой за родину идет.
И присяги текст читая,
С гордо поднятым лицом
Римма³ – девушка простая
В строй становится бойцом.
И встают другие с него
И звучит присяга вновь.
В юном сердце пламенеет
К милой родине любовь.
И за взводом взвод шагает,
И несут врагу свинец
И отчизне присягает старый Щекотов боец.⁴
У него уж сын на фронте

² А.Ф. Рябко – молодой боец из подразделения тов. Евлонова (прим. автора)

³ Римма Кузнецова – санитарка из подразделения тов. Иваницкого (прим. автора)

⁴ А.А. Щекотов - боец, старый партизан (прим. автора)

К немцам злобою горя,
В строй становится сегодня
Сам таежник-сибиряк.
И за ним бойцы проходят
И с Оби и с Томь-реки,
Так за жизнь, за честь народа
В бой идут сибиряки.
Ни один назад, ни шагу
Не шагнет в бою с врагом
Мы скрепим свою присягу
В немца воткнутым штыком.
Мы идем оружие стиснув,
С лютой злобою в крови.
Нас на подвиг Мать-Отчизна
В грозный час благослови!

Из поэмы Г.А. Доронина «Саша Сибиряков». 1942 г.
ГАКО. Ф. Р-1167. Оп.1. Д. 15. Л. 11, 12, 14, 15.
Копия. Рукопись. Чернила.

12

Саша Сибиряков
принимала участие

Золотой росой блещет,
Мелко на зеленых лугах,
Солнце надветные ветало,
нас приветствуя с небес!

Улыбаются сочной влагой,
травы дружно увеш.
В этот летний день участия
принимая бегая тропи.

Вышли Саша перед взводом
и под шумом двух берез
он советскому народу
клятву верности принес.

Беспокойный ветер встает,
Керселишь над рекой.
Звонит колокол раздается
Многолетника редко:!)

- Я клянусь светом летнего,
Светлым и менем возмуж,
За подвигом отчужден
Битвоя, жизни не щади.

Вопрос он в семье свободной
Этой юности патриот.
Он с корьюсам благодарным
В дом за родную идет.

1) А. Ф. Редко - менеджер балу из индустриальной
деятельности тов. Злобина.

Фрагмент поэмы Г. Доронина «Саша Сибиряков». 1942 г.

ГАКО. Ф. Р-1167. Оп.1. Д.15.Л.12.

Копия. Рукопись. Чернила.

и криком текет иная,
ежко подметил мрамор
Римма" - девушка приветас-
В ступе ешаповиты бегущем.

И вешаю друше ешио,
и звучит крика в вювь.
В юном сердце пламенеет
К милой родиме любовь.
И я в воядем взвог шараля,
и шее врану свитиу.
И отяже кричала
св арви Целотов² Галез.

У цели где еши на фронте.
К нещам злобою горд,
В ступе ешаповиты елогия
Ваше маенемк-сибирск.

И я шим бегца кротода
ме оба и с маю-рели,
так я злежно, я злежно
В боу идуче сибирск.

Мнози катаг ми шару
не шашу в бою с воялом.
Но скривил евог крика
В кавца воткнути китыкан
Ма идем, оруже с шипену,
С шотом злобою в крови.
Тас на подвил лейт-оштивна
В цозном гас белослови!

Д Римма Кудрякова - санитарка из подраз-
деления 87 в Ивановского.
2) А. А. Целотов - боец, старший партизан из
подразделения тов Розенберга

Фрагмент поэмы Г. Доронина «Саша Сибиряков». 1942 г.

ГАКО. Ф. Р-1167. Оп.1. Д.15.Л.13.

Копия. Рукопись. Чернила.

**Г. А. Доронин в редакции газеты «Колхозная жизнь», г. Камень.
Фотография. [1934-1935 гг.]
ГАКО. Ф. Р-1167. Оп.1. Д.24. Л.13.**

Личный фонд Георгия Антоновича Доронина.
ГАКО. Ф. Р-1167, 27 ед. хр., 1919-1967 гг.

Молостнов Геннадий Модестович (1912-1982)

Геннадий Модестович Молостнов – русский советский прозаик, поэт, журналист, родился 31 августа 1912 г. в д. Чуркино Александровского уезда Владимирской губернии (в настоящее время – Александровский район Владимирской области). Его отец воевал в Сибири против Колчака. После его ранней смерти Г.М. Молостнов попал в детский дом, затем до 1925 г. был подпаском. Окончив курсы малограмотных, молодой человек

приехал в Кольчугино (Владимирская область), учился в ФЗУ, работал слесарем. Как активный комсомолец был направлен на учебу в Ленинградский (в настоящее время – г. Санкт-Петербург) институт журналистики, по окончании которого по распределению работал в редакциях куйбышевских (самарских) газет.

Позже участвовал в боевых операциях на Хасане, Халхин-Голе, в финской кампании. В 1939 г. вступает в партию. В 1941 г. оканчивает высшую школу НКВД. До 1943 г. служил в войсках СМЕРШа, в июле 1943 г. был ранен и после излечения рекомендован для работы в МИД СССР. Работал Г.М. Молостнов курьером дипломатической охраны в США. В СССР вернулся в 1947 г.

После демобилизации некоторое время работал в Загорске – в реставрационном училище при Троице-Сергиевской лавре. В 1948 г. приехал в Кузбасс, устроился журналистом и более чем на два десятилетия связал свою судьбу с нашим краем. Именно здесь Г.М. Молостнов пробует себя не только как публицист, но и как прозаик, поэт. Его стихи, рассказы

публикуются в каждом номере, созданного в 1949 г., литературного альманаха «Сталинский Кузбасс» («Огни Кузбасса»), который в 1952 г. напечатал главы из первого романа писателя «Голубые огни», а в следующем году этот роман был полностью опубликован в московском журнале «Октябрь» и вышел отдельной книгой в Кемеровском книжном издательстве.

В 1956 г. Г.М. Молостнов был принят в Союз писателей СССР.

Его романы о шахтерах Кузбасса, о предреволюционной российской деревне, о некоторых сторонах жизни советского общества («Даруя жизнь», «Междуречье»); повести («К свету», «Их нельзя остановить» и др.); рассказы («Корнеич», «В американском городе», «Сквозь мелочи жизни» и др.) публикуются не только в кузбасских, но и в московских, новосибирских, воронежских и других региональных журналах, издаются отдельными книгами. В Кемерове вышел сборник стихов «Весна» (под редакцией М. А. Небогатова).

В конце 1960-х гг. писатель уезжает в Красноярск. В 1969 г. в Красноярском книжном издательстве вышла фантастическая повесть Г. М. Молостнова для детей «Посланник планеты Альбос», поэтому имя писателя внесено в «Энциклопедию фантастики».

Умер Г. М. Молостнов в Красноярске в мае 1982 г.

В 1997 г. Н.Г. Ранева (Молостнова) – дочь писателя – передала его документальные материалы в госархив, и теперь здесь находится на постоянном хранении личный фонд Г.М. Молостнова (Р-1248) объемом 86 ед. хр. за 1904–1981 гг.

К сожалению, в фонде нет личных документов (свидетельств, удостоверений и т. д.) ни самого писателя, ни его родственников. В основном это рукописи и машинописные варианты (в т.ч. с правками автора) его произведений разных жанров: роман «Переступая порог», над которым Г.М. Молостнов работал с 1961 г. и до конца своей жизни; повести: «Люди, дела, характеры» (1962 г.) и «Чтобы не остывали сердца», отрывки из киноповести «Воздушный спринт». Драма «Кукушонок, или Наедине с

совестью» (1966 г.), рукописи киносценариев, рассказы: «Волчья судьба» (1945 г.), «Лето» (1961 г.), «Мой город», «Из искры – пламя», «Медунки», «Любовь!.. А есть ли она, настоящая?» и др. В фонде есть машинописный вариант поэмы «Честь смолоду» с правками автора, музыкальной комедии в 3-х действиях «Голубок голубой». Много стихов: для детей, о природе, стихов-загадок и др. На стихи Г.М. Молостнова композитором А. Кузнецовым были написаны песни («Одинокая», «Березонька», «Лунюшка» и др.). Очерки и статьи: «Солдат-тыловик», «Огни Кузбасса», «Мне хорошо с тобой, молодость».

Писателя довольно часто приглашали на радио, телевидение – это представлено машинописными текстами его выступлений. Есть в фонде переписка Г.М. Молостнова (1960–1962 гг.), а также фотографии, как самого писателя, так и его родителей и семьи (1904–1981 гг.).

Будучи фронтовиком, Г.М. Молостнов о войне рассказывал редко и почти не писал, так что тема Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в фонде представлена всего тремя короткими рассказами и несколькими стихотворениями, не датированными автором.

**Г.М. Молостнов. Фотография. 26 августа 1953 г.
ГАКО. Ф. Р-1248. Оп.1. Д.76. Л.4.**

КАНУН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ...

Мы – курсанты спецшколы – только что закончили работу по очистке границ Западной Украины и Западной Белоруссии. Измученные бессонницей и тревогами, столпились на перроне станции Чижово, ожидаем отправки в Москву. Чего бы, казалось, волноваться, почему на душе не спокойно, ведь едем домой, на отдых? Но нет, какая-то ноющая напряженность не покидает...

20 июня 1941 год. Подошел почти пустой поезд, следующий с нашей территории в направлении оккупированной Польши. Несколько минут он стоял на фоне кроваво-красного заката. В единственном раскрытом вагонном окне торчал рыжий человек с узким вытянутым лицом – не то улыбался, глядя на нас, не то зло скалился. А когда поезд тронулся, помахал рукой и послал воздушный поцелуй.

Медленно, будто крадучись, наступала ночь – глухо и немо, без звуков и шорохов. От усталости или от предчувствий мы как-то разрознились: ни смеха, ни шутки. Ходили-бродили, курили, думали всяк о своем. Наконец, погрузились в комфортабельные мягкие вагоны. Стаскиваю словно примерзшие сапоги, которые забыл уж когда снимал. Ноги гудят. Завертываю их в свитер. Завязываю узлом. Пистолет под подушку. Спать, спать, скорее спать...

На всю жизнь заполнился сон: с тогда еще маленьким сыном Игорем бежим на рыбалку по дощатому тротуару – скрипучему, шаткому. Сын сидит на шее, держится за мои волосы, смеется. Но доски вдруг начали трещать, ломаться, проваливаться...

Открываю глаза. Что такое? Наш поезд идет каким-то прыжками, дает тревожные гудки, затем резко останавливается. Рядом рвутся бомбы, дудудукает пулемет. Выбегаю на подножки, прыгаю наземь. Параллельно поезду на бреющем полете проходят самолеты с фашисткой свастикой. С них

падают круглые черные шары. Бегу к лесозащитной железнодорожной полосе, падаю под корень сосенки. А в это время в нескольких метрах впереди меня огненно разрывается черный шар, чем-то бьет меня по лбу. Странно бьет – как-то не больно, не чувствительно, но я теряю сознание и, как мне подумалось в тот миг, умираю – спокойно, без страха, погружаюсь в теплую мягкую тишину...

Искоркой вспыхнула короткая мысль: и до чего же легко умирать!..

Но как чуть вернулось сознание – другая мысль, радостная: черт подери, как хорошо жить, как хочется жить!..

Протираю затекшие кровью глаза, и открывается передо мной первозданный мир: макушки сосенок, глубокое, чистое небо и в нем одинокая птица.

Сажусь на ствол срезанного разрывом дерева и от радости, что остался живым, запеваю:

«Синенький скромный платочек

Падал с опущенных плеч.

Ты говорила, что не забудешь

Ласковых, радостных встреч...»

Пою. А окружившие меня товарищи удивленно озабочены:

- С ума сошел!..

Нет, ничего подобного со мной не случилось. Я не сошел с ума, я родился вновь! Не верю, как и многие другие, что началась Великая Отечественная война. Произошла ошибка...

Молодой организм быстро справился с легкой контузией головы. Работаю, хожу по унылой Москве, жадно слушаю невеселые сводки Информбюро: оставили, отступили...

Мучает совесть: товарищи разъехались, улетели кто куда – во вражеский тыл к партизанам, на подпольную работу в оккупированных районах, а я сижу в министерстве. Успехи фашистов временные, обусловленные внезапным нападением. Вот-вот они побегут, «не видать им

красавицы Волги и не пить им из Волги воды». Кончится война, и я не смогу сказать: да, я воевал!..

Пишу заявление с просьбой отправить на фронт...

№ 15

ВОЛЖСКАЯ ПЕРЕПРАВА

Сталинград в огне. Тучи дыма и пепла над руинами города. Под обстрелом ждем переправы. В балке, спускающейся к реке, скопилось множество солдат. И вдруг налет на балку: воют-пикируют вражеские самолеты, и от разрывов авиабомб шатается, трескается земля. Куда ни упадет бомба – везде солдаты... Куски человеческих трупов, лохмотья одежды свисают с обгорелых сучков тополей. Пахнет кровью и жареным мясом...

Уж не так далеко от берега до берега, но это смертный рубеж. И перейти его не всем суждено. В щепках разбитого транспорта плывут живые и мертвые, кричат и стонут раненые, и видеть все это выше человеческих сил!..

Потом, уже после окружения и уничтожения фашисткой группировки, я приезжал в Сталинград за чем-то в командировку. Пустынно тихо на улицах. Да и были ли улицы? Все смешано, перемешано. Встречались мальчишки и девчонки – изможденные, с морщинистыми лицами, словно старики.

- Как вы уцелели, как спаслись, ребята?
- А мы пещеры вырыли по берегам балок, в них жили.
- Голодно было?
- Да оно и сейчас не сладко.
- Страшно было?
- Сначала страшно, потом – ничего, привыкли.

-Родители-то остались у кого?

- Редко.

- А я воевала, - сказала девочка лет десяти-одиннадцати, если судить по росту, а не по внешности, глядя на меня суровыми не детскими глазами. – Я палкой била раненого фашиста. Он кричал, а я била его по башке за папку и за мамку...

- А я, - сказал мальчишка в лохмотьях, - на мороженом фрице с горки катался. Сяду верхом и вжжи с горки!..

Невыносимо горько было смотреть на них, опаленных войной и голодом, ожесточенных, окаменевших.

Под вечер на базаре на все деньги, сколько их было у меня, я купил вареных яиц и с ребятишками вместе ел, сидя на бетонном кольце фонтана у железнодорожного вокзала. Фонтан когда-то украшали детские скульптурные фигурки, сейчас они стояли и лежали – безрукие, безголовые, исковерканные, прошитые пулями. Но они бесчувственны, из цемента. А как же вынесли такую тяжесть детские живые сердца?!

- Ребята, много погибло из ваших товарищей? – спросил я.

- Еще сколько! Вот Васек пополз к убитой лошади, чтобы отрезать кусок мяса, а фашистский снайпер тюк его в голову – и не пикнул Васек. Гришка с Манькой из балки вылезли еду промышлять, так обоих зараз накрыло... Много сгинуло: от пуль, от осколков и с голодухи, много...

- И Борька тоже, - сказала девочка.

Мальчик безразлично махнул рукой:

- Борька по дурости... Нашел ручную гранату и стал разряжать... Только жалко. Раненую мать на плащ-палатке волок в укрытие, в живот ему угодило, волком выл от боли... Осколок-то – во! С ладонь, ажно кишки вывалились.

Они рассказывали о страшных вещах без содрогания, бесстрастно, холодно. Лица их ничего не выражали. В потухших глазах – ни боли, ни

сожаления. Война сковала, притупила их. И как я ни старался развеселить – ни улыбки, ни намека на неё.

Мы сходили в подвал бывшего универмага. Где был пленен фельдмаршал Паулюс. Спустились к Волге, к месту переправы: окопы, траншеи, изрытые снарядами берега, обломки машин, обломки переправочных средств... И гробовая, оглушительная тишина. Только полчища ленивых трупных зеленых мух...

Чтобы избавиться от тяжести воспоминаний, о пережитом на этой переправе, я предложил:

- Ребята, давайте споем что-нибудь, песню веселую!

Они посмотрели на меня с недоумением, и вроде бы с укором: дескать, глупее-то ничего не мог придумать!

- Без песен рот тесен, - сказал старший из них.

- Нет, правда, давайте, ребята!

- А я не умею, - пожала плечами девочка. – Все позабыла...

Да, они все позабыли. В них прочно вселился вой самолетов, разрыв бомб, горькое горе.

Они провожали меня лунной ночью. В сказочном белом свете, в глубоком молчании лежали развалины города, и казалось, он уже никогда не поднимется, не оживет. Не помолодеют эти мальчишки и девчонки, не зашумят листвою скрюченные обожженные тополя...

Но ровно через десять лет я вновь побывал в городе-герое. И он действительно, геройский, молодой. Улицы его заполняли жизнерадостные, веселые люди...

КОМАРИК

Сейчас я уже и не помню её настоящего имени. Мы называли её ласково «Комарик» за малый рост, за тихий жужжащий голосок, за вездесущий бесстрашный характер. С медицинской сумкой и автоматом она ходила в бой в передовых частях, как рядовой солдат, и принималась за санитарное дело лишь тогда, когда появлялись раненые.

Находясь в пекле взрывов, свисте пуль, она прошла до Миус-реки без единой царапины и шутила по этому поводу:

- Я, мальчики, за пятнадцать шагов вижу летящую пулю или осколок, увертываюсь. В меня и снайперу не попасть, я маленькая, комарик...

Её любили и пожилые солдаты, и уж особенно молодые. Конечно, и я в том числе...

Но она никого из нас не выделяла. Все у неё были Колечки, Васечки, миленькие, родненькие. А у меня на шее постоянно висел сильный бинокль, и это давало мне преимущество перед остальными – нравилось Комарику в свободное время рассматривать передовую линию вражеской обороны.

Помню летний погожий предзакатный вечер. Я возвращаюсь с передовой, куда ходил по заданию особого отдела 221-й стрелковой дивизии.

На возвышенности, над Дедовой балкой, в одиночестве сидела она, Комарик.

- Эй, старшой, поднимайся ко мне!

Я охотно поднялся.

- Ты знаешь, надеюсь, что завтра идем в наступление?

- Знаю.

- Давай бинокль.

Она с минуту глядела в него, затем передала мне.

- Взгляни. Видишь, в конце балки что-то краснеет, видишь?

- Вижу.

- Это, должно быть, цветы марьяны-коренья...

- Похоже...

- Ты завтра, как пойдем в атаку, сорви их мне... Я тебя поцелую за это...

Она заметно смутилась, потупилась. А я воссиял от радости и выпалил в горячах:

- Зачем откладывать на завтра? Целуй сейчас.

И она сдвинула брови:

- Ну, ты уж!..

Мы молчали. Низкое золотистое солнце освещало холмы и её – маленькую, притихшую, ушедшую в себя.

- Ты о чем?

- О завтрашнем дне... Кто-то получит награду, ... кто-то умрет. Жалко ребят.

- А сама не боишься?

- Никогда...

С полуночи началась артподготовка. Через наши головы часто, как снег в пургу, летели снаряды и мины, огненно фыркали гвардейские минометы – знаменитые «катюши». Вокруг гудело, грохотало, содрогалась земля.

Комарик радовалась:

- Отличная работа!..

Утром она сказала:

- Прощай пока. Не забудь про цветы!..

И я не забыл. Я сорвал цветы и бегал с ними по траншеям, разыскивая Комарика, пока не наткнулся на солдат, несущих что-то завернутое в плащ-палатку.

- Кто?.. Кого несете?..

- Комарика...

- Ранена?

- Нет, убита...

Я откинул конец палатки и увидел восковое лицо, потухшие синие глаза, сложенные на груди тонкие девичьи руки.

Я положил красные цветы поближе к её остановившемуся сердцу и поцеловал холодную руку.

- Прощай, Комарик...

Кто знает, может быть, те цветы проросли, не увяли, и теперь ни одно поколение их поднимается над одинокой могилой чистой девушки, не успевшей кого-нибудь полюбить в свои восемнадцать лет...

Дата не указана.

ГАКО. Ф. Р-1248. Оп.1. Д.7. Л.1-7. (год не указан).

Подлинник. Машинопись.

Г.М. Молостнов. Фотография. 1958 г.

ГАКО. Ф. Р-1248. Оп.1. Д.76. Л.6.

Где-то в Бонне

Старая фрау

На поминки

Наденет траур

И слышатся ей из далека

«- Блиц-кринг-блиц!»...

- «Где-то мальчик

Фриц?..» -

И слеза набежит на око...

А Фриц – на погосте,

Дожди омывают кости.

Где-то «нах остен»

Фриц получил

сполна:

Его уложил отец-старшина

На вечные времена...

А в Бонне –

опять

«бонбонят»!

Снова:

«Нах остен!» -

Фашист собирается

«в гости!»

- Ну знаете что,

недобитые,

бросьте! ...

ГАКО. Ф. Р-1248. Оп.1. Д.46. Л. 2, 3. (год не указан)
Подлинник. Машинопись.

На углу авеню Санта-Моники
От темна до темна напролет
Кто-то русский на русской гармонике
Невеселую песню поет:

«Меж высоких хлебов затерялся...» -
Рот скривило, и губы свело.-
«Горе-горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело...».
Без работы, без дома и Родины,
Как песчинка в кипучей реке...
И слезинка, крупнее смородины,
По небритой стекает щеке.

О пощаде взывают аккорды,
Но их глушит безжалостно гам.
Проплывают чванливые «форды»
И копейки бросают к ногам.

Что тебя доконало, сердешного?..
Кто в тебе человека убил?..
Ты захожий, ты роду нездешнего,
Ты ведь русское поле любил!..

По военной дороженьке долгой
Забрести, знать сюда довелось...
Отпусти его в город над Волгой,
Золотая тюрьма – Анджелос!

Иванов,

Дугашвили

Чего не становятся в ряд?..

- В братской они ...

могиле

Вечным

огнем

горят...

Ой, сколько друзей не стало!

Всех не упомнишь лиц –

Павших, пропавших и вставших

На пьедесталы столиц:

-Фаворский?

-На месте!

-Шальнов?

-В Бухаресте.

- Кручинин?

- В Берлине.

- Муради?

- В Белграде.

В Варшаве, Софии –

Алонов и Фиев.

Данилов и Брагин

Остались в Праге.

Стоят в Будапеште

Стрельцов и Пелеште.

В Вене – Рамзей...

Ой, сколько не стало друзей!..

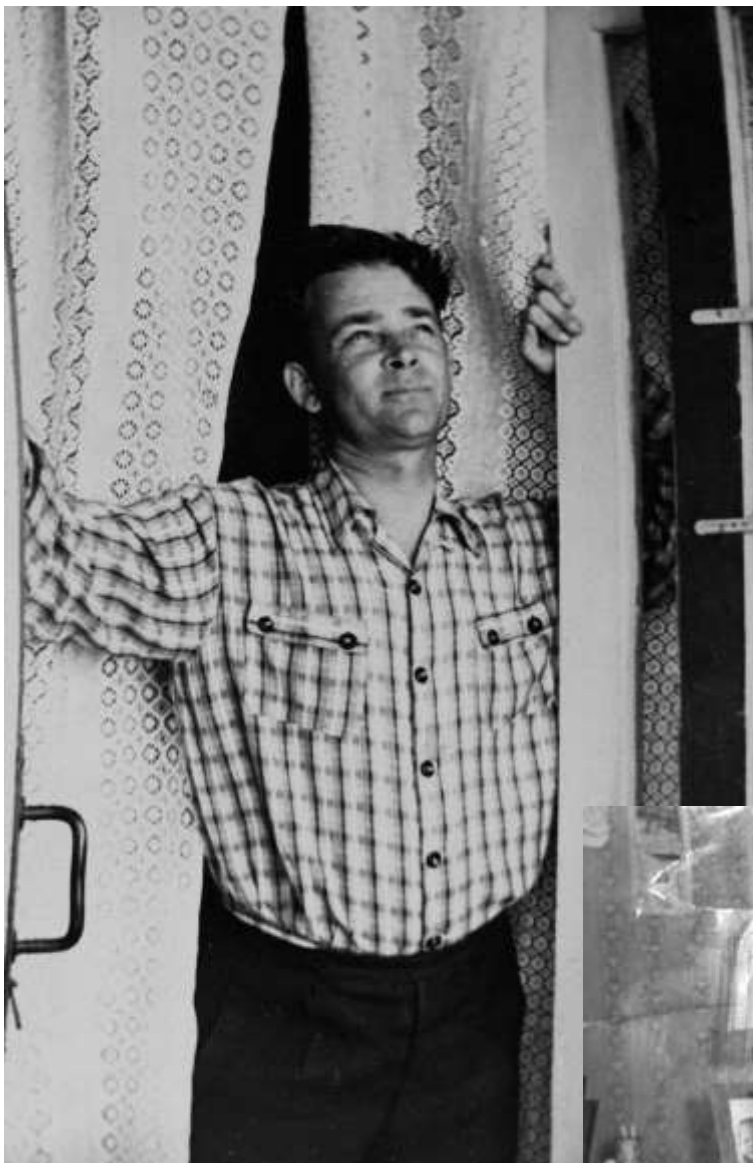
В победных лучах фейерверка

В день окончанья войны
За мертвых встают на поверку
Правнуки, внуки, сыны.

Зовет на ученье тревога,
И там, где границы черта,
Ракеты внушительно-строго
Свои поднимают перста.

Команда – точнее счета,
Вернее, чем сердца пульс:
-Расчеты!..
-Готовы!..
-Внимание!..
 Пуск!..

ГАКО. Ф. Р-1248. Оп.1. Д.46. Л.11. (год не указан)
Подлинник. Машинопись.

**Г.М. Молостнов в квартире на пл.
Пушкина. Фотография.
г. Кемерово. 1958 г.**

ГАКО. Ф. Р-1248. Оп.1. Д.77. Л.5.

**Г.М. Молостнов с семьёй.
Фотография. г. Кемерово. 1958 г.
ГАКО. Ф. Р-1248. Оп.1. Д.77. Л.5.**

Г.М. Молостнов. Фотография. [1958 г.]

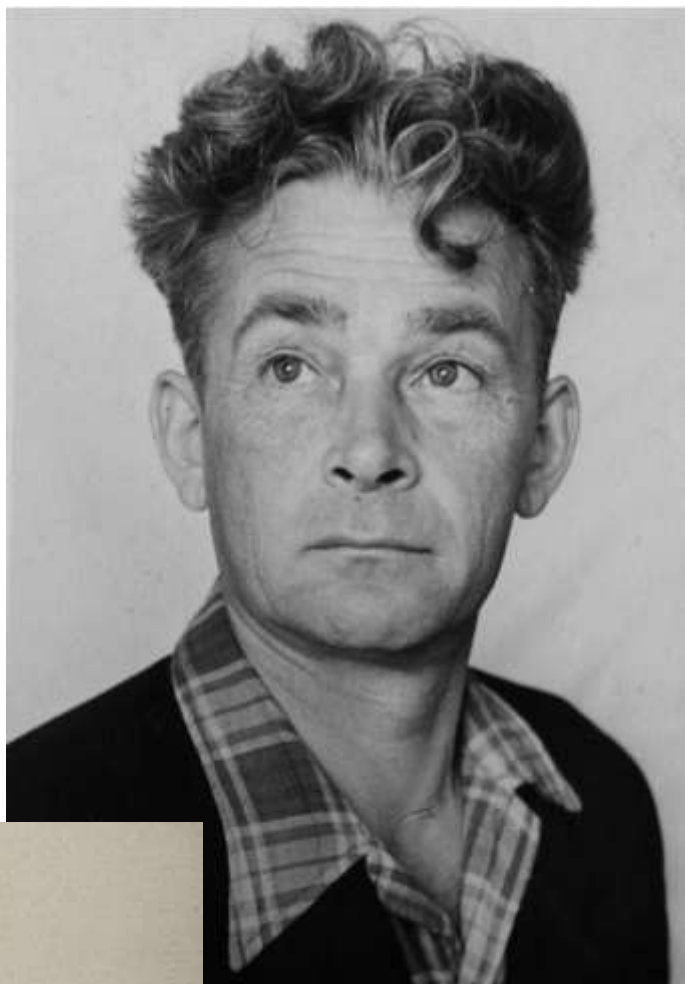
ГАКО. Ф. Р-1248. Оп.1. Д.80. Л.1.

Г.М. Молостнов. Фотография. 1958 г.

ГАКО. Ф. Р-1248. Оп.1. Д.77. Л.4.

Г.М. Молостнов. Фотография.
г. Красноярск. 1970 г.
ГАКО. Ф. Р-1248. Оп.1. Д.76. Л.8.

Г.М. Молостнов. Фотография.
г. Кемерово. 1971 г.
ГАКО. Ф. Р-1248. Оп.1. Д.76. Л.9.

ВДОВА СОЛДАТСКАЯ

Чуть-чуть приоткрыто окошко
И там, в голубой тишине,
Бедовая снится гармошка
Суровой солдатской жене.
Ей помнятся вешние клены
И первый цветок-огонек,
И он по-смешному влюбленный-
Белесый, такой паренёк.
Гармошка, гармошка, гармошка,
Родная, прошу об одном:
Пусть счастье продлится немножко
Под утренним вдовьим окном.
Пусть нынче забудутся боли,
В заречную даль помани,-
Туда, где в ромашковом поле
Впервой целовались они.
Ты ей о хорошем поведай-
О дальней счастливой весне.
Пусть он возвратится с победой,
Хотя бы в коротеньком сне!
Чуть-чуть приоткрыто окошко

И там, в голубой тишине,

Бедовая снится гармошка

Суровой солдатской жене...

ГАКО. Ф.Р-1248. Оп.1. Д.46. Л. 4. (год не указан)

Подлинник. Машинопись.

№ 21

ЖАЖДА ЖИЗНИ

Не высоко, не к самым небесам,

Но поднимался сам

Как говорят, нажав на все педали

Там видел: «свет» и «цвет», потемки и рассвет,

За далью – открывались дали...

Совался, возникал, вникал, входил в накал.

И ел, и голодал.

Одетым был и голым, как сокол.

Тянул как вол, работал, как глагол.

ГАКО. Ф. Р-1248. Оп.1. Д.46. Л.10. (год не указан)

Подлинник. Машинопись.

Вдова солдатская

Чуть-чуть приоткрыто окошко
и там в голубой тишине
бедовая снится гармошка
суровой солдатской жене.

Ей помнятся вешние клены
и первый цветок-огонек,
и он по-смешному влюбленный-
белесый, такой, паренек.

Гармошка, гармошка, гармошка,
родная, прошу об одном:
пусть счастье продлится немножко
под утреннем вдовьим окном.

Пусть нынче забудутся боли,
в заречную даль помани,-
туда, где в ромашковом поле,
впервой целовались они.

Ты ей о хорошем поведай -
о дальней ~~их~~ счастливой весне.
Пусть он возвратится с победой,
хотя бы в коротеньком сне!

Чуть-чуть приоткрыто окошко
и там в голубой тишине
бедовая снится гармошка
суровой солдатской жене...

Своими руками
Гармошка - гармошка,
Морщинки у глаз и у рта
На ~~счастливой~~ надежде ослеп
Девушка Надежда - мечта
Видеть вас вместе
всегда

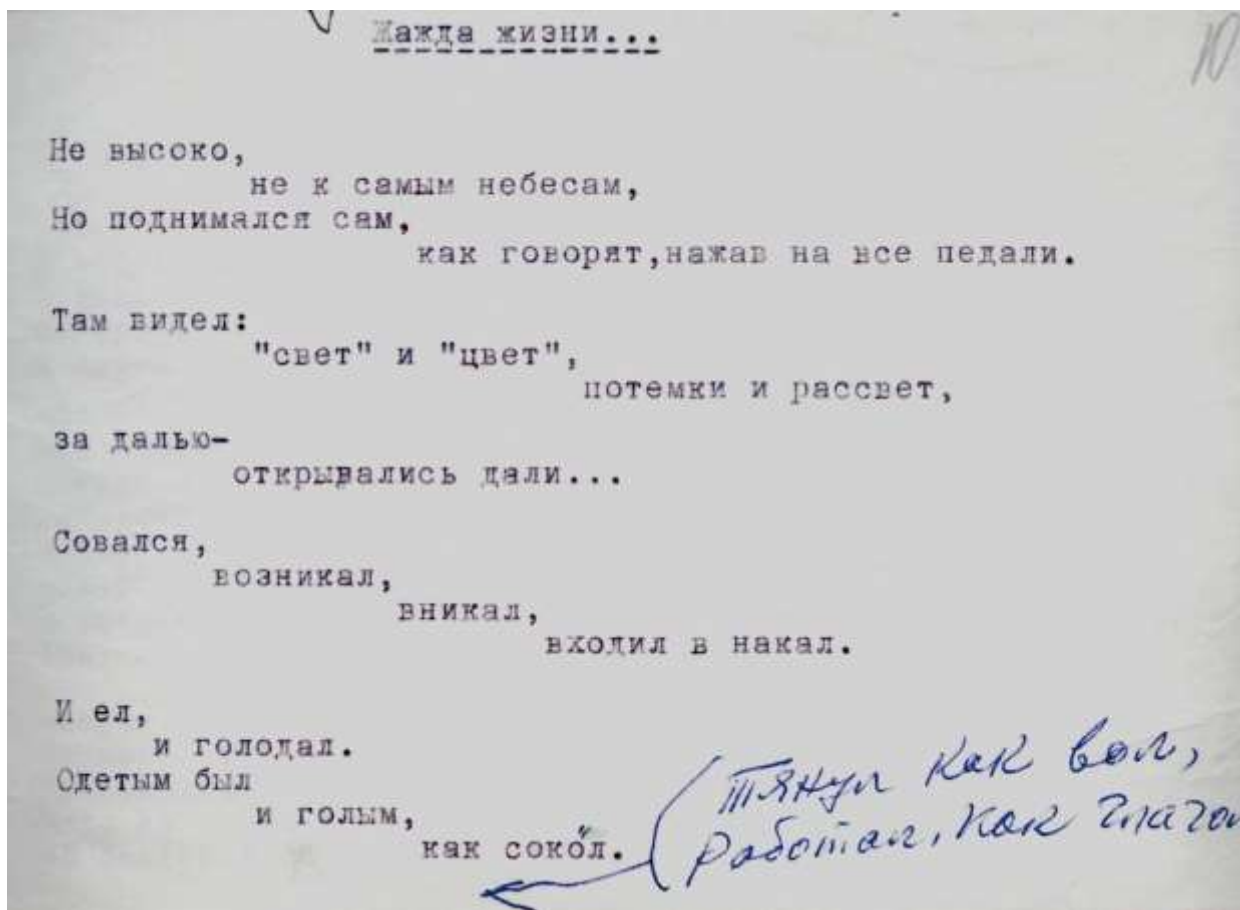
Гарм. Вдова 2008

Стихотворение Г. М. Молостнова «Вдова солдатская»

(год не указан)

ГАКО. Ф. Р-1248. Оп.1. Д.46. Л.4.

Подлинник. Машинопись.

Фрагмент стихотворения Г. М. Молостного «Жажда жизни»

(год не указан)

ГАКО. Ф. Р-1248. Оп.1. Д.46. Л. 10.

Подлинник. Машинопись.

Личный фонд Геннадия Модестовича Молостного.
Р-1248, 86 ед.хр., 1902-1981 гг.

Небогатов Михаил Александрович (1921-1990)

Михаил Александрович Небогатов – поэт, родился 5 октября 1921 г. в п. Гурьевск (с 1938 г. – город Гурьевск) Гурьевского района Томской губернии (с 1943 г. – территория Кемеровской области). С 1929 по 1937 гг. учится в гурьевской средней школе № 12. Тогда же он начал писать стихи, любил и умел рисовать, успешно делал копии с картин, на школьных выставках они занимали не последнее место.

Осенью 1937 г. он переехал жить к брату в г. Кемерово и в 1937–1938 гг. учился в кемеровской средней школе № 30. С 1938 г. по 15 апреля 1941 г., окончив 7 классов, работал техником-инвентаризатором в Кемеровском инвентаризационном бюро.

В апреле 1941 г. М.А. Небогатова призвали на службу в Рабоче – Крестьянскую Красную Армию (РККА) красноармейцем, а с 22 июня 1941 г. воевал на фронтах Великой Отечественной войны. В 1941 г. Михаил Александрович получил первое тяжелое ранение. Лечение проходил в госпитале г. Соль-Илецк Оренбургской области. После выздоровления снова попал на фронт.

Весной 1943 г. был направлен на трехмесячные курсы в военное училище г. Шахты (Ростовская область), по окончании которых ему было присвоено звание младшего лейтенанта. В августе 1943 г. был снова тяжело ранен, контужен. С 18 августа 1943 г. по 22 ноября 1943 г. находился в госпитале г. Боржоми (Грузия). После излечения был демобилизован как инвалид 3 группы и вернулся в г. Кемерово.

За время службы в армии М.А. Небогатов написал не более десяти стихотворений и, как писал он, «откровенно завидовал тем поэтам, которые

даже в боевой обстановке, в самых неподходящих для творчества условиях работали над стихами, очерками, рассказами».

В 1943–1944 гг. Михаил Александрович работал военруком в ремесленном училище, в 1944–1946 гг. – культмассовиком в деревообрабатывающей промартели «Память Ленина» Кемеровского горпромсоюза. Посещал собрания литературного объединения «Среда», продолжая писать стихи, которые довольно часто стали публиковать в областной газете «Кузбасс», а в 1946 г. ему предложили перейти в эту газету литсотрудником. По заданию редакции много и оперативно писал на «злобу дня». В воскресных номерах газета давала литературную страницу, там обязательно были стихи М.А. Небогатова. В основном это были стихи о любви, о прошедшей войне, а также написанные на фронте или в госпиталях.

С октября 1947 по август 1951 гг. М. А. Небогатов работал корреспондентом радиокomiteта, с 1953 по 1957 гг. – редактором отдела художественной литературы в областном книжном издательстве.

С 1957 г. занимался профессиональным литературным трудом.

В 1962 г. М.А Небогатов был принят в члены Союза писателей СССР.

Стихи М.А. Небогатова часто публиковались в журналах «Сибирские огни», «Советский шахтер», «Наш современник», «Крестьянка» и др., в газетах «Труд», «Комсомольская правда», «Кузбасс», «Комсомолец Кузбасса» и других изданиях.

Более 30 лет (примерно с начала 60-х гг.) он был внештатным литературным консультантом в газетах «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса», оказывая большую помощь начинающим поэтам, которые присылали свои стихи в редакции этих газет. В результате на страницах областной газеты «Комсомолец Кузбасса» появилась рубрика «Факультет молодого литератора» (позже – «Литературная мастерская»), где публиковались ежемесячные обзорные статьи М. А. Небогатова с анализом стихов непрофессиональных авторов. Кроме того он участвовал в работе литературной студии «Притомье».

М.А. Небогатов – автор более 15 поэтических сборников, вышедших в Кемеровском книжном издательстве: «Солнечные дни» (1952 г.), «На берегах Томи» (1953 г.), «Юным друзьям». Стихи для детей (1957 г.), «Моим землякам» (1958 г.), «Лирика» (1961 г.) и др.

В 1988 г. в издательстве «Современник», г. Москва, вышел сборник стихов «Перепелка».

Журнал «Наш современник» присудил М. А. Небогатову литературную премию за 1986 год.

21 марта 1990 г. М.А. Небогатов умер.

В 1991 г. Кемеровское книжное издательство выпустило книгу «Времени река: Лирика. Дневники», подготовленную при участии вдовы поэта М. И. Небогатовой. В книгу вошли стихи разных лет и дневниковые записи М. А. Небогатова.

В 1995 г. в издательстве «Ковчезек» вышла книга «Благодарю, благодарю...».

М. А. Небогатов награжден орденом Красной Звезды и медалями.

В госархиве находится на хранении фонд М. А. Небогатова Р-1250 за 1930–2007 гг. В нем представлены: материалы, связанные с деятельностью М. А. Небогатова в качестве критика, редактора и популяризатора поэзии; рецензии, предисловия, заметки; отзывы о поэтических произведениях М. А. Небогатова; тетради с дневниковыми записями; довольно обширная переписка; фотографии; литературное творчество членов семьи М.А. Небогатова.

Довольно значительным по объему является раздел фонда, включающий рукописные и машинописные поэтические произведения поэта: лирические стихи, стихи для детей, сонеты, поэмы, циклы стихов и т. д. В том числе стихи на тему Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. О войне писали и пишут многие поэты. Эта тема была близка и Михаилу Александровичу – ее непосредственному участнику, к ней он возвращался на протяжении всей жизни. И если ранние стихи – это страх, взрывы, ужас от возможной смерти, «реки крови», то более поздние – это, скорее, стихи–размышления о

ценности каждого дня жизни, о собственной вине перед погибшими, его сожаление о погубленной красоте.

М.А. Небогатов. Фотография. [1958-1959 гг.].
ГАКО. Ф. Р-1250. Оп.2. Д.4.

№ 22

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Рано поколенью моему
Испытанья выпали на долю:
Жизни путь начать в огне, в дыму
По насквозь простреленному полю.

Как ни тяжело было на войне,
Как мы там ни мучились, страдая,
Дорого навек то время мне,
Потому ль, что молод был тогда я?..

ГАКО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 113. Л. 50–53.
Подлинник. Машинопись.

№ 23

ПО ПУТИ К ПЕРЕДОВОЙ

Мы шли к передовой. Вдруг страшный скрежет
Заставил нас припасть ничком к земле.
Казалось, этот звук весь мир разрежет,
И летний полдень скроется во мгле.
Ревело что-то, все живое руша,
Вселяя ощущение: смерть близка...
А это была славная «Катюша»
Из ближнего зеленого леса.
Опомнясь, мы смеялись над собою:
Вояки, испугались-то чего!..

Летела к фрицу смерть, истошно воя –
Недалеко уж было до него.
Летели реактивные снаряды,
Как ураган. Такой, что просто жуть.
И были благодарны мы и рады:
Нам, пехотинцам расчищался путь!

ГАКО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 110. Л. 20–22.
Подлинник. Машинопись.

№ 24

Как хороша вода бывает в зной
Из родника, из речки, из-под крана!
Как будто мелочь, а ничуть не странно,
Что в ней – частица радости земной.
И то надолго память сберегла,
Как раненый я пил из черной лужи.
Что может быть на взгляд обычный хуже?
Но помню: лужа сладкою была.

ГАКО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 108. Л. 37–41.
Подлинник. Машинопись.

№ 25

В ПОЛДЕНЬ

Если надоест тебе в палате
Спать, читать, валяясь на кровати, –
Выходи на двор. Ты можешь там
Побродить по травам и цветам.
Если любишь солнце – скинь рубашку,
Или – просто ворот нараспашку.
Можешь сесть за каменной стеной,
Здесь спокоен ветер, крепок зной.
Кто-то сверху дышит горячо.
И загар ложится на плечо.
Хорошо лежать в траве полынной,
Ни грустить, ни думать, ни желать,
Чтобы этот полдень – сонный, длинный –
В зимний день в окопе вспоминать...

(июль 1942 г., Оренбургская область, г. Соль-Илецк, госпиталь)

ГАКО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 1. Л. 34.
Подлинник. Рукопись. Чернила.

№ 26

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК

Все войны свой конец имеют,
И эта кончится война.
Вначале словно немеют

Просторы, где была она.
Последний раз провоет миной,
Просвищет пулей – и конец.
Над речкой, сопкой и равниной
Умрут железо и свинец.
Никто, наверно, не поверит
Счастливой яви, точно сну,
И каждый вечностью измерит
Ту фронтовую тишину.
И как на тактике бывает,
Когда получится не так –
Встают солдаты и шагают
Обратно с рубежей атак.
Еще в сознание вой и скрежет,
И чувства зыбкие в душе,
Но тишина по слуху режет
И смерти рядом нет уже!
Растает дым над полем боя,
И с величавой вышины
Увидит небо голубое
Следы ужасные войны.
Войдут в историю навеки
Дела сороковых годов:
Текут, алая кровью, реки,
Чернеют груды городов.
Опишет в будущем историк
Неповторимый путь борьбы,
Который был тяжел и горек,
Как испытание судьбы.
И будет памятник построен

Незабываемый вовек:
Стоит, бессмертия достоин,
Непобедимый грозный воин –
Великий русский человек.

(14 сентября 1943 г., Грузия, г. Боржоми-Ликани, госпиталь 1568)

ГАКО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 1. Л. 5-6.
Подлинник. Рукопись. Чернила.

№ 27

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

Прощайте, Боржоми-Ликани,
Прощай, величавый Кавказ!
В полночном ноябрьском тумане
Сегодня покину я вас.
Я верю – в душе восхищенной
Боржомские дни не умрут,
В которые я, вдохновленный,
Любил поэтический труд...

(22 ноября 1943 г., Грузия, г. Боржоми-Ликани, госпиталь, 1968 г.)

ГАКО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
Подлинник. Рукопись. Чернила.

№ 28

Как жаль: из строя вывело раненье
До дня Победы... С чем его сравню?
Живя в тылу, едва ль найдешь сравненье
Тому всемирно праздничному дню...

Он был такой огромный, точно море,
Лучами озаренное насквозь,
В котором наше счастье, наше горе
Слезами, словно волнами, слилось...
ГАКО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 108. Л. 33.
Подлинник. Машинопись.

№ 29

Друг фронтовой!
Не дали нам раненья
Среди берлинских побывать руин,
А все ж в душе такое ощущение,
Как будто тоже брали мы Берлин.
Да, счастье – быть
Причастным к миллионам.
Народ в расчет
и тех солдат берет,
Кто в самом малом
Пункте населенном
К большой Победе
Сделал шаг вперед.
ГАКО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 109. Л. 35.
Подлинник. Машинопись.

М.А. Небогатов. Фотография.
ГАКО. Ф. Р-1250. Оп.2. Д.12.

**М.А. Небогатов (слева) и
писатель, журналист
И.А. Балибалов. Фотография.**

ГАКО. Ф. Р-1250. Оп.2. Д.82.

М.А.Небогатов. Фотография. 1960-е г.
квартира в доме, где установлена мемориальная доска (г. Кемерово,
Советский пр. кв. 52.).
ГАКО. Ф. Р-1250, Оп.2. Д.5.

М.А. Небогатов (справа) и писатель, журналист
И.А. Балибалов. Фотография. [1967 г.]

ГАКО. Ф. Р-1250. Оп.2. Д.89.

ПОБЕДА

Замолчали пушки громовые.
Враг разбит. Окончена война.
Побеждать России не впервые.
Вновь победу празднует она!
Не впервые русские солдаты,
С боем взяв берлинские ключи,
Обагрили кровью меч расплаты,
Под которым пали палачи.
Скоро снова к матери, к жене ли,
Сыновья, мужья придут с фронтов,
Сбросят с плеч тяжелые шинели
И, как прежде, встанут у станков.
И опять и в городах, и в селах,
Как в былые светлые года,
В русских песнях, звонких и веселых,
Вспыхнет радость мира и труда!

([1944-1946 гг.], г. Кемерово)

ГАКО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 4. Л. 87.
Подлинник. Машинопись.

№ 31

Не виноваты мы перед друзьями,
Которые погибли на войне.
Случайность, что не сгнули мы сами
На Волге, на Днепре или Десне.
И все-таки порой мы беспокойны,
Как некий груз, вопрос в душе несем:
Всегда ли мы их памяти достойны,
А может, не всегда и не во всем?

ГАКО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 110. Л. 48–52.
Подлинник. Машинопись.

№ 32

Быть может, кто-то удивится:
Опять стихи о ней, войне...
Но как незрима лет граница,
Где «есть» и «было» наравне.
В груди солдат не стихнет жженье,
Пока нельзя спокойно жить...
Забыть далекие сраженья –
Как самого себя забыть.

ГАКО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 109. Л. 28.
Подлинник. Машинопись.

№ 33

Не обойдешь сторонкою в беседе
Год сорок первый, горестные дни.

Как ни светлы раздумья о победе,
В них не одни
Салютные огни...
На быстроту прорывов, окружений
Был мастер враг коварный, что скрывать.
И на уроках наших поражений
Мы на ходу учились воевать.
Когда врага по гатям, перевалам
Погнали мы лесами, средь долин,
Его же салом
Били по мусалам,
По-русски вышибая клином клин!..
Пути войны –
Вначале к Подмосковию,
Потом к Берлину
В холод, слякоть, зной –
Обагрены великой нашей кровью,
Оплачены огромною ценой.
Не счесть героев –
Будь земля им пухом,
Что полегли под холмики, холмы...
Броня – броней. Но кто сильнее духом,
Тот победил. А победили мы!
Пусть много лет сияет мир веселый,
Нам не забыть, какая битва шла,
Какой из сорок первого тяжелой
Дорога в сорок пятый год была.

ГАКО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 110. Л. 32–33.
Подлинник. Машинопись.

ВETERАНАМ

Не горюйте, друзья-ветераны,
Что с недугами старость пришла,
Что порою уже, как ни странно,
Не даются большие дела.
Вы свое отслужили на славу,
Дорогую отчизну любя.
Отдыхайте сегодня по праву,
От невзгод берегите себя.
В жарком пекле огня и металла,
В годы бед и лишений лихих
Вашей силы когда-то хватало,
Чтобы делать дела за двоих.
Не с того ли и жизнь наша краше,
Что вы шли через посвист свинца?
Пусть другие потрудятся с ваше,
Поработают в поте лица...
Ничего, что повыше ступеньку
Одолеть вам уж стоит труда –
Вас, идущих вот так, помаленьку,
Не осудит никто никогда.

(26 ноября 1984 г., г. Кемерово)

ГАКО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 110. Л. 43.
Подлинник. Машинопись.

Победа. Нету слова сокровеннее,
Когда за ним – не штык или свинец,
А кран у стройки, сад, стихотворение,
Картина, песня, школа, цех, дворец.
Победа. Нету слова долгожданнее,
Когда за ним – не дым горящих сел,
А шум угля и с космосом свидание,
И «пять» в дневник, и крик веселый: гол!
Победа. Над ромашкою, над лютиком
Весна лучится солнцем-колобком.
Сама планета
Маленьким салютиком
О мире грезит,
Выстрелив цветком!

(год не указан)

ГАКО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 108. Л. 47.
Подлинник. Машинопись.

Личный фонд Михаила Александровича Небогатова.
Р-1250, 372 ед. хр., [1930]-2007 гг.

Рудин Виль Григорьевич (1925-1997)

Виль Григорьевич Рудин – прозаик, родился 25 мая 1925 г. на Украине, в городе Очаков в семье военнослужащего. В 1940 году семья переехала к месту службы отца в г. Москва, и, по окончании средней школы, Виль Григорьевич поступил в 3-ю Московскую специальную артиллерийскую школу, окончив которую в 1943 г., продолжил обучение в 3-м Ленинградском артиллерийском училище. В училище было отмечено его отличное знание немецкого языка, и в 1944 году Виль Григорьевич был направлен в Московскую спецшколу, по окончании которой, в 1945 году (после войны) был направлен в Германию, сначала военным переводчиком, а с 1948 по 1952 гг. – военным следователем в Восточной Германии. С 1952 г. работал в органах КГБ и УВД в г. Сталинск (впоследствии г. Новокузнецк) и г. Кемерово. В 1976 году вышел в отставку в звании подполковника.

Первый рассказ В.Г. Рудина «В дороге» («Случай в жизни») был опубликован в 1954 г. в областной газете «Кузбасс». В 1959 году в газете «Комсомолец Кузбасса» и журнале «Сибирские огни» была опубликована повесть «День “икс”», которая в 1961 г. в Кемеровском книжном издательстве вышла отдельной книгой (первой книгой автора). Впоследствии созданные В.Г. Рудиным произведения печатались на страницах центральной и местной печати. За повести «Тропа над пропастью» и «Между вчера и завтра» (о чекистах) В. Г. Рудин в 1986 г. был награжден премией КГБ СССР и Союза писателей СССР.

С 1970-х гг. он начал работать внештатным корреспондентом областной газеты «Кузбасс», в 1981 г. был принят в члены Союза журналистов СССР (печатался под псевдонимом «В. Димов»), а в 1982 г. – в члены Союза писателей СССР.

В. Г. Рудин был участником семинара литераторов Западной Сибири и Урала в 1966 году, Всесоюзных совещаний по научно-фантастической, приключенческой и детективной литературе в 1976 и 1979 гг., принимал участие в работе VII съезда писателей РСФСР. В 1990-х гг. представлял Кемеровскую писательскую организацию в Консультативном совете политических партий и общественных организаций.

Умер В. Г. Рудин 3 июня 1997 г.

Часть документальных материалов были переданы на госхранение самим В.Г. Рудиным (с 1995 по 1996 гг.), в 1997 году – его супругой Р.П. Рудиной.

В составе фонда – некоторые личные документы его и членов его семьи, документы, связанные со служебной деятельностью, фотографии. Однако основной комплекс документов связан с литературным творчеством за период 1954–1995 гг. Он писал о том, что хорошо знал, поэтому героями ряда его произведений стали чекисты, работники милиции. Но есть произведения на исторические, общественно-политические и другие темы, стихи, литературные записи и обработки, переводы с немецкого языка, статьи, тексты телевизионных передач, полемические заметки, лекции и т. д.

Особую ценность представляют тексты с авторскими правками, указывающими на то, как подолгу он работал над своими произведениями, тщательно оттачивая каждую строку, каждое слово. Это рукописи и машинописные тексты его повестей: «Между вчера и завтра», «Он придет, судный день» («Преодоление»), «Сто шагов над пропастью», «Горотделовская чертовщина» («Дела энкавэдэшные»), «Жестокий век», «Из воспоминаний начальника НКВД», «Три года дьявольщины», «Маршал “хлебного корпуса”», «Пять допросов перед отпуском» и др.; рассказов и

сборников рассказов: «Память горькая, память светлая», «Пахучая трава – серая чума», «Дела давно минувших дней», «Простые дела», «Неожиданная встреча», «Не зарубцевалось», «Шпионы, шпионы, кругом одни шпионы» и др. очерков: «Два года “ежовых рукавиц”», «Репрессии среди членов Кемеровской партийной организации», «Слово правды» и др.

В соавторстве с историком-краеведом И. Скворцовым В.Г. Рудиным был написан сказ «Кузнецкий острог», а в соавторстве с журналистом Ф. Ягуновым – пьеса «Красная горка» («Кемеровское дело»).

Теме Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. посвящены документальные повести: о новокузнецанах, братьях Е.Г. и Н.Г. Ушаковых, генералах Красной армии «Зажми сердце в кулак», «Судьба солдата», «Боевой генерал. Жизнь и судьба гвардии генерал-майора Ушакова Е.Г.», «Солдат божьей милостью»; о полковнике В.И. Полосухине – «Близко к сердцу», «32-я стрелковая дивизия», «Испытание боем».

Фонд содержит фотографии, письма делового и личного характера как самого В.Г. Рудина, так и адресованные ему, переписка с издательствами, редакторами, Союзом писателей России, писателями, рецензентами, а также с родственниками героев повестей, очерков (Ушаковой И.Г., Полосухина А.П.), письма читателей и т. д.

**В.Г. Рудин. Фотография.
Германия. 1945 г.
ГАКО. Ф. Р-1240. Оп.2. Д. 3.**

**Семья Рудиных (В. Рудин - крайний справа).
Фотография. г. Москва. 5 мая 1941 г.
ГАКО. Ф. Р-1240. Оп.2. Д.3.**

В.Г. Рудин. Фотография. 1967 г.
ГАКО. Ф. Р-1240. Оп. 2. Д.1.

**В.Г. Рудин во время службы в
УВД. Фотография.
г. Новокузнецк. 1965 г.**
ГАКО. Ф. Р-1240. Оп. 2. Д.1.

ИСПЫТАНИЕ БОЕМ

Пусть то безымянное поле,
Где нынче пришлось нам стоять,
Вдруг станет той самой твердыней,
Которую немцам не взять.

Ведь только в Можайском уезде
Слыхали название села,
Которое позже Россия
Бородином назвала.

К. Симонов

I

Утро 16 октября на Бородинском поле начиналось канонадой неслыханной силы – словно бы немцы решили за один час расстрелять три суточных боекомплекта; будто им ни завтра, ни послезавтра делать будет нечего: сегодня все и кончится.

Однако за артподготовкой последовал еще и воздушный бомбовый удар: немецкие самолеты шли группами по 18 машин, шли на малой высоте, бомбы укладывали на давно разбитые, сгоревшие деревни – Бородино, Рогачево, Юдинки, Артемки, обе Ельни. Истребителей наших немцы не боялись: знали, что у нас истребителей нет; зенитный огонь ПВО их не очень беспокоил – при такой массе бомбардировщиков этот огонь не мог быть действенным и уж в любом случае не мог остановить бомбежку.

Бойцы валились на дно глубоких траншей, набивались под бревенчатые накаты, под бетонные колпаки ДОТов – переждать! Перетерпеть! Дождаться, когда пойдут их танки и пехота – и врезать за все сразу! [...]

Из документальной повести В.Г. Рудина «Испытание боем»

ГАКО. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 296. Л. 1.

Копия. Машинопись.

БОРОДИНО. ПЯТЫЕ СУТКИ (с 17 по 18 октября 1941 г.)

«В этой последней отчаянной схватке (за Семеновские флеши) пал, пораженный смертельным ядром командир Ревельского полка генерал-майор Тучков, супруга которого впоследствии соорудила на свои средства, на месте его кончины, женский монастырь, которого была и первой настоятельницей».

«Отечественная война», кн. 2, С.287.

«По мере того, как подходили к Багратионовым войскам подкрепления, они шли вперед с величайшей отвагой, по трупам павших, для овладения утраченными пунктами. Русские колонны, на наших глазах, двигались по команде своих начальников, как подвижные окопы, сверкающие сталью и пламенем...»

Из воспоминаний Пеле, генерала армии Наполеона.

I

[...] Сумрачное утро 17 октября занималось на Бородинском поле под вой и рев пикирующих бомбардировщиков и непрерывный грохот снарядных разрывов. Полосухин оставался на КП дивизии, в Кукаринском лесу: вчера немецкие снаряды разворотили наблюдательный пункт, и восстановить его за ночь не удалось. Однако связь со всем батальоном действовала (кроме того, который сражался в окружении у Юдинки), и Полосухин знал, где что происходит. Очень быстро бомбежка дорожной насыпи – на станцию Бородино, и из горловины вчерашнего прорыва, от Ельни – на Псареву и

Татарино, даже не в глубину, а за пределы обороны дивизии, много восточнее, с выходом за спиной обороняющихся к Можайску. И одновременно с этими двумя ударами – третий: еще не успела смолкнуть канонада, как немцы двинули свой правый фланг – много южнее деревни Артемки, через Михайловское, через лесные дебри, напрямик к шоссе. Часть машин прорвалась через огненную завесу, сходу выскочила на первую полосу минных заграждений, поставленных саперами по распоряжению Полосухина еще позавчера.

Так велико было желание немецких танкистов вырваться, наконец, на шоссе, что первые взрывы их не остановили; а может, танкисты и не разобрали, что попали на минное поле – может, полагали, что их снова накрыли артогнем, от которого одно спасение – вперед, на батареи, и раздавить их гусеницами... Из этих двух десятков танков ни один не уцелел, не спасся, не уполз назад.

Второй, куда более мощный немецкий удар пришелся от Ельни и Утицы на север, через железную дорогу на Татарино и на северо-восток, на железнодорожную станцию Бородино.

Южнее Бородино, в километре, все еще стоял на позициях артдивизион капитана Зеленова – у подножья того самого кургана, на котором в 1812 г. располагалась 18-ти орудийная Курганная батарея, как ее тогда называли, или батарея Раевского, как стали называть позже. Генерал-лейтенант Раевский Н.Н. не командовал Курганной батареей, ему был отдан под начало 7-й пехотный корпус, 10 тысяч солдатских душ, и он держал правое крыло армии князя Багратиона, став своими двумя дивизиями между Семеновскими флешами и Курганной батареей.

Теперь, после пяти дней боев на Бородинском поле, капитан Зеленов и его батарейцы понимали, что артдивизион держит центр обороны дивизии; что если они не устоят, что и дивизия не удержится: ее разрежет, потом будут добивать по частям.. И высился за ними курган с памятником солдатам 24-й пехотной дивизии 1812 года...

Немецкие танки пошли двумя волнами, по 30 машин в каждой. Артиллеристы встретили их огнем прямой наводкой, за час боя сожгли 19 машин.

Пока дивизион вел огонь, держался и 2-й батальон 322-го полка, развернутый по приказу Полосухина фронтом на юг и этим огнем прикрытый. К 12 часам дня артдивизион Зеленова погиб – весь, и сам Зеленов погиб, сраженный осколком, а без артиллерийской поддержки стрелковый батальон не в силах противостоять массированным ударам оставшихся у немцев 40 танков и двух полков вражеской пехоты. Немцы перехлестнули через траншеи батальона, правым крылом добились то, что уцелело на батареях противотанкового дивизиона и, оставив у себя в тылу засевших в окопах бойцов 2-го батальона с капитаном Щербаковым – их будут добивать после! – разделились на две группы.

Те 20 танков и батальон пехоты, которые двинулись прямо на восток, от Бородино на Князьково, натолкнулись, неожиданно для себя, на 53-й зенитный дивизион капитана Е.М. Дерехо. Первые же выстрелы артиллеристов подожгли 6 машин. К этому моменту Дерехо уже снял с грузовиков крупнокалиберные пулеметы, установил их на станки, позволявшие вести наземный огонь, и прикрыл им свои фланги. Попытки немцев обойти дивизион ни к чему не привели: дальность стрельбы 85-ти миллиметровых зенитных орудий была достаточной, удары тяжелых снарядов сшибали башни, пробивали даже лобовую крупновскую броню. Немцам, когда они, наконец, поняли, что с этим дивизионом им не совладать, уйти не дали: расстреляли и все танки, и еще 2 бронемшины, и всю пехоту при них.

II

Прорвавшиеся у Бородино немецкие танки и пехота частью сил вышли в Кукаринский лес – прямо к командному пункту Полосухина.

Комдив действовал быстро и точно. У него при штабе был зенитный артдивизион, комендантская рота; с минуту на минуту должен был явиться «отряд майора Воробьева» - от него сейчас осталось всего-то человек сто, но эти люди из бывшего 3-го батальона и курсанты сражались бесстрашно, дерзко, порой отчаянно, за ними так и осталось название «отряд майора Воробьева», и сами себя так называли: «мы из отряда Воробьева».

Зенитный дивизион открыл огонь на поражение, когда немецкие танки выкатились по дороге на край широкой поляны и стал явственно ощутим запах перегретого масла и бензинного перегара. Удары орудий из-за деревьев, из густого черного кустарника были для немцев внезапны и потому губительны. Танки двигались колонной, перестроиться для атаки на КП им просто не дали. Подоспевший от Артемок отряд майора Воробьева атаковал колонну из лесу, во фланг, забросал гранатами пехоту, от КП ударили бойцы разведбата и комендантской роты – разгром прорвавшейся группы был быстрый и полный.

Генерал Говоров о бое в Кукаринском лесу узнал сразу по докладу в штаб армии, спросил своего начштаба: «Думаете, Полосухин отобьется?».

Начштаба улыбнулся – улыбка вышла вымученная, одним уголком рта, глаза остались озабоченными: «На этот раз отобьется, но подкрепить его просто необходимо».

Говоров уточнил: «Полосухин просит поддержки?».

Начштаба промолчал, после минутной паузы объяснил: - От Полосухина просьб едва ли дождемся. Он и при Дмитрие Даниловиче ни о чем не просил...

Говоров прикинул: «Может дать батальон пехоты из 50-й дивизии, дивизион эрэсов. Поможет ли это Полосухину продержаться до истечения дня?».

- Безусловно. Но что потом?

-Пока распорядитесь об отправке подкрепления, потом продолжим.

«Продолжение» было такое: Говоров велел готовить приказ по армии – на ноль часов 18 октября 1941 года 32-й дивизии скрытно выйти из боя, оставить занимаемые позиции и переместиться в течение ночи на правый фланг армии, за Москва-реку, на рубеж Аксеново-Тихоново. Здесь закрепиться и держать оборону. [...]

Из документальной повести В.Г. Рудина «Испытание боем».
В.Г. Рудин «Испытание боем». Кемерово. 1995. – С. 165, 166, 167, 168.

№ 38

БОРОДИНО

[...] Из Берлина в штаб 4-й танковой группы пришла газета «ФёлькишерБеобахтер» за 9 октября 1941года. Она вся была пронизана победным ликованием, оптимизмом, уверенностью в скорой и полной победе. Передовая называлась «Военный конец большевизма». Сказано в ней было: «На этот раз принесены в жертву последние боеспособные советские резервы. Против победоносного и полностью боеспособного немецкого Восточного фронта стоят лишь совершенно непригодные для серьезных действий красные соединения... Приговор Советскому Союзу уже вынесен».

Генерал-полковник Эрих Гепнер, командующий танковой группой, сегодняшним боевым донесением из 40-го корпуса не был ни потрясен, ни даже обескуражен: он понимал, что первый день сражения на очередной – теперь Можайской – оборонительной линии не обязательно должен завершиться ее прорывом. Однако, некоторая настороженность все же проявилась; еще два дня назад и сам он, и офицеры его штаба полагали, что после окружения советских войск под Вязьмой и Калугой перед 4-й танковой группой – пустота. Однако перед его дивизиями вопреки ожиданиям появились танковые бригады; они и пехотные части русских перегораживали

все шоссе к Москве; они держались, даже контратаковали, потом отходили, чтобы снова стать на очередной отсечной позиции. Их было мало и они были слабы, что бы совсем остановить его корпуса, они лишь сдерживали продвижение и Гепнер не мог понять во имя чего русские жертвуют собой?

После сегодняшнего боя на Можайской линии он, кажется, начал понимать тактику русских: 19-я танковая бригада и русская пехота, которые сдерживали продвижение передовых частей 40-го корпуса на Можайск, после взятия Уваровки танковой дивизией СС «ДасРайх» просто ушли. Ушли, выполнив свою задачу: они дали развернуться новой дивизии русских. И сегодняшний бой показал, что боеспособные дивизии у Красной Армии еще есть, еще существуют. И если завтра эту дивизию не удастся ни окружить, ни разбить, если она продержится еще день, или два, или три – сколько новых дивизий подтянут русские из своего необъятного тыла?

Генерал Штумме доложил, что путь на Москву перед Можайском перегородила 32-я дивизия с Дальнего Востока, что по словам пленных, дивизия считается боевой и что именно она разгромила японцев на озере Хасан. Из этого генерал Штумме сделал вывод: хватит тешить себя мыслью, будто с русскими уже покончено. Завтра он будет наступать так как положено наступать танковому корпусу на позиции серьезного противника.

Сегодня русские нигде не дали ни его танкам, ни пехоте даже приблизиться к своим траншеям. Их артиллерия была в высшей степени эффективной. [...]

Из документальной повести В.Г. Рудина «Испытание боем»

ГАКО. Ф. Р-1240. Д. 11. Л. 1.

Копия. Машинопись.

ИЗ ТЕЗИСОВ К СООБЩЕНИЮ ПО ТЕМЕ «32-я СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ В.И. ПОЛОСУХИНА НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ ПО НЕМЕЦКИМ ДОКУМЕНТАМ».

14 октября 1941 г. Генерал-фельдмаршал Фёдор фон Бок подписал приказ по группе армий «Центр»:

«Противник перед фронтом группы армий разбит. Остатки отступают, переходя местами в контратаки. Группа армий преследует противника. 4-й танковой группе без промедления нанести удар в направлении Москвы, разбить находящиеся перед Москвой силы противника, прочно овладеть местностью, окружающей Москву, и плотно обложить город».

За сутки перед этим, в понедельник 13 октября 1941 г., берлинский выпуск «Боевой газеты национал-социалистического движения Великой Германии «ФёлкишерБеобахтер» писала: «На фронте 1200 км – вперед! На обширном фронте маршируют и катятся на восток наступающие немецкие части. Нет слов для описания размеров советского поражения».

Первый удар 40-й танковый корпус нанес в 4 часа 30 мин. утра 13 октября: танково-гренадерская дивизия СС «ДасРайх» и 10-я танковая дивизия обрушились на позиции 17-го и 113-го стрелковых полков после часовой бомбежки и артобстрела.

В этот день наступающие немецкие танки и пехоту не подпустили к переднему краю, расстреляли в предполье. 14-го октября немцы повторили удар, и снова были отброшены с огромным для них потерями. Бои длились еще трое суток – сами немцы оценивали их как «ужасную битву». Цитирую оценку боев на Бородинском поле немецкой стороной:

«Здесь в 1812 г. Был разбит Наполеон. ... Они (русские) были стойкими. У них не было паники. Они стояли и дрались. Они наносили удары и принимали их. Это была ужасная битва... Кровавые потери дивизии СС «ДасРайх» были столь кошмарно велики, что ее третий пехотный полк

пришлось расформировать и остатки поделить между полками «Дойчланд» и «Дер Фюрер». Командир дивизии генерал Хауссер тяжело ранен...

Мертвые. Тяжелораненые. Сожженные. Разбитые. Ярость делала глаза кроваво-красными».

Добавлю к этому, что генералу Гепнеру пришлось на третий день боев на Бородинском поле взять из своего резерва 7-ю мюнхенскую дивизию, однако ее попытки обойти русский фланг справа и выйти в тылу 32-й дивизии у д. Артемки успехом не увенчалась: баварцы были разбиты контрударом 36-го мотоциклетного полка майора Танасчишина.

Однако и дивизия В.И. Полосухина понесла большие потери: более половины личного состава и две трети артиллерийских орудий. Тем не менее, дала командованию Западного фронта возможность развернуть за Можайском две свежие дивизии, 50-ю стрелковую и 82-ю мотострелковую. По приказу командарма - 5 генерал-лейтенанта Л.А. Говорова 32-я дивизия ушла с Бородинского поля в ночь на 18-е октября. Ушла на север, за Москву-реку; ушла, похоронив своих павших, собрав раненых. Полковник В.И. Полосухин сумел увезти все уцелевшие орудия, вывести дравшиеся 15 октября в окружении у д. Юдинки и Рогачево батальоны. Потому части 40-го танкового корпуса немцев за сожженным, разбитым Можайском натолкнулись на сопротивление двух наших дивизий и после недельных боев за Дорохово и Шелковку были вынуждены до 14 ноября перейти к обороне. По шоссе Минск-Москва они к Москве не пробились.

ГАКО Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 295. Л. 56.
Копия. Машинопись.

**В.Г. Рудин. Фотография.
1949 г. Германия.**

ГАКО. Ф. Р-1240. ОП. 2. Д.3.

**В.Г. Рудин. Фотография.
1949 г.**

ГАКО. Ф. Р-1240. ОП.2. Д. 3.

ЗАЖМИ СЕРДЦЕ В КУЛАК. (1965-1967 гг.)

Друзьям – чекистам – скромным труженикам героической профессии.

Автор пользуется случаем, чтобы выразить свою благодарность работникам КГБ, оказавшим ему помощь в работе над архивами, а также своими воспоминаниями и советами.

В основу повести положены действительные события, разыгравшиеся в период Великой Отечественной войны. Вместе с тем, поскольку речь идет о художественном произведении, автор оставил за собой право на литературный домысел.

Имена тех героев повести, которые ныне проживают в Кузбассе, из понятных соображений изменены. Изменены также все наименования Советских воинских частей.

Автор.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: СВЕРШЕНИЯ.

Глава 1.

«...Ваши доводы, Юркин, учтет военный трибунал!»

Вот так он и сказал – седой майор из контрразведки.

«...Учтет ваши доводы...»

А что учитывать, если нет доводов? Есть одна голимая правда – ты изменник. И надо отвечать. А трибунал завтра. С утра. Значит, впереди целая ночь.

Ночь...

Всхрапывает сосед на нарах в углу, совсем молодой лейтенант. Его привезли сегодня в обед. Дурья голова, чистил пистолет и случайным

выстрелом убил солдата из своего взвода. Мучается, хоть и молчит. Солдата жалеет, о себе не думает. А что ему думать? Он среди своих. Хоть и разжалуют. А все равно у своих останется. А тут...

Где-то громыхнули орудия. На слух – стодвадцатидвухмиллиметровки. Наши... Проскочил штабной мотоцикл – по стене камеры скользнул свет фары...

И вопреки всякой логике вдруг вспомнилась Лайма. Не мать, не родное село над широкой Томью – в последнюю перед трибуналом ночь он увидел курносую эстонку с белыми волосами. Лег навзничь на нары, закинул руки за голову, смежил веки и увидел...

Лайма... А по-русски – волна.

... Еще через час очередь дошла и до оберлейтенанта Петера Иордан.

Когда он вошел, в комнате были полковник Ляшенко, переводчик и офицер из фильтрационного отдела.

Переводчик велел Иордану садиться, подполковник из фильтрационного отдела приготовился записывать претензии, а Ляшенко вышел из-за стола, подошел к поднявшемуся ему навстречу немцу, обнял его и на глазах ошеломленных офицеров поцеловал – крепко, в самые губы. Потом, не выпуская немца из объятий, оглянулся:

- Чего смотрите? Думаете – рехнулся полковник? Да я же его год, как похоронил! – снова обернулся к немцу:

- А ты живой! Петр Михайлович – ведь живой, а? Ай, молодец! – он, наконец, выпустил Юркина из объятий. – Садись, садись! Когда ты сюда попал?

Юркин, блестя влажными глазами, немного помолчал, потом усмехнулся:

- Да как Курляндский мешок разгрохали. Я с последними сдался.

- А раньше не мог выйти?

- Никак не мог, Степан Савельевич.

-Что это у тебя с рукой? Горел, что ли?

- Было дело – самолет при посадке вписался.

- Это когда вы из Таллина с Гумовски летели?

- Да, тогда.

- Ну и где они все – Гумовски, Казе, Доктор?

- Гумовски в Германию успели отправить, он раненный был, я его из самолета вытащил. Только вот не знаю, прорвался ли их транспорт через море. Казе в последний момент перед вылетом из Таллина из самолета вылез, его Целлариус с собой забрал, это я от Гумовски узнал. Они, минуя Курляндию, сразу ушли морем в Германию. Доктор и другие преподаватели прилетели вслед за нами. Перед капитуляцией Доктор застрелился, остальные рассеялись, кто куда. А Валя Энно погибла ...

- Как это случилось? Откуда знаешь?

- Гумовски в самолете сказал... Я после рапорт напишу – там вообще разобраться надо, у немцев вроде наши моряки восстали, из них немцы диверсантов готовили, а они восстали. И Валентина с ними...

- Ладно, пиши, проверять будем. А девушку-то жалко...

Да, ты еще не знаешь – ведь майор Алгазин тоже погиб, еще весной – ехал на машине и на банду напоролся... Да, брат, всех жалко – столько хороших людей эта война взяла... Ну, ладно. Ты вот что скажи: где документы школы?

- Часть сгорела, часть в укромном месте.

- А тебе оно известно?

- Ну как же, Степан Савельевич – сам ведь прятал, сам и минировал.

- Ай, молодец! Ну – ведь молодец, а? И почему ты, Петр Михайлович, ему вот не открылся? – полковник кивнул на офицера фильтрационного отдела.

- Обстановка не позволяла. Тут, в лагере, есть кое-какая сволота с липой. Если б я открылся – как бы я их выявил? Здесь, Степан Савельевич, даже сидит бывший начальник политической полиции Таллиннской зондеркоманды Николай Кукс!

- Это я, брат, и сам знаю. А вот под каким именем он скрывается – тебе известно?

- Ну конечно – зря я, что ли, два месяца немцем был?

- Все тогда – кончай маскарад! Больше ты к фрицам не вернешься. Достаточно ты перенес – есть для тебя и другая работа. Поставлю тебя на фильтрацию. – И, обернувшись к офицеру, не сводившего глаз с Юркина:

-А вам бы уж хватит удивляться! Скажите спасибо вот капитану, что он вам матерого душегуба нашел, да бегите скорее за людьми – Кукса немедленно изолировать и завтра же отправить конвоем в Таллин! Будем подлеца судить! А ты, Петр Михайлович сбрасывай с себя это рванье – я сейчас прикажу тебя побанить, да свою форму выдадим – хватит в чужих погонах ходить! Свои надевай! [...]

Фрагмент повести В.Г. Рудина «Зажми сердце в кулак!»

ГАКО. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 155. Л. 1, 28, 201, 202, 203.
Копия. Машинопись.

В день открытия Кемеровского отделения Союза писателей СССР. Фотография.

Слева направо: В.М. Баянов, В.В. Махалов, Т.Г. Ян, В.Г. Рудин, А.Н. Волошин, Е.С. Буравлёв. 1962 г.

ГАКО. Ф. Р-1240. Оп.2. Д.1.

Слева направо: В.Г. Рудин, Г.М. Молостнов и Е.С. Буравлёв. Фотография. [1965 г.]

ГАКО. Ф. Р.-1240. Оп.2. Д.1.

СУДЬБА СОЛДАТА ЖИЗНЬ ГВАРДИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА УШАКОВА ЕВГЕНИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА

[...] Летом 1942 г., когда немцы от Харькова и Воронежа двинулись на Сталинград, ставка приказала генералу Коневу и генералу Жукову развернуть силами двух фронтов наступление южнее Ржева. Предстояло обойти Ржев, пересечь реку Вазуза и взять сильно укрепленную Сычевку. Ставка исходила из того, что наступление у Ржева, который немцы обороняли с невероятным упорством, заставит их бросить сюда часть стратегических резервов, и уж во всяком случае командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ганс Гюнтер Клюге воспротивится переброске своих дивизий на юг, к Сталинграду, где обстановка была крайне тяжелой.

В этих летних боях Е.Г. Ушаков впервые показал себя как человек, способный руководить не отдельным частным сражением, а длительной военной операцией. Его полк в составе 20-й гвардейской дивизии был переброшен от города Белый на участок 20-й армии, в район Погорелое Городище, и вошел в состав Западного фронта.

Наступление началось 30 июля, однако первые три дня боев к успеху не привели: немцы сопротивлялись упорно, наши завязли в первой линии траншей.

4 августа командование ввело в бой 20-ю гвардейскую дивизию, и полк Ушакова, наступая в первой линии, прорвал фронт противника у деревни Вошино. В документах дивизии отмечено, что в этом бою победа была достигнута с малыми потерями, ибо товарищ Ушаков «правильно управлял полком. Наступление гвардейцев было прикрыто артогнем. Прорвался Ушаков на узком участке, двумя батальонами, третий бросил вперед, едва обозначился успех, и этот третий батальон добил тех, что еще

сопротивлялись в траншеях. Командир дивизии воспользовался успехом Ушакова, прорыв расширили, и к утру 5 августа главная линия немецкой обороны была прорвана на всю глубину.

К вечеру того же дня прорыв был уже огромен – 3- км. по фронту, 25 в глубину. Генерал Конев ввел в него подвижную группу – два танковых корпуса, 6-й и 8-й, и один кавалерийский, - и эта группа стала обходить Ржев с юга.

Генерал-фельдмаршал Клюге сразу же ощутил угрозу Ржевскому узлу и бросил навстречу советским войскам пять дивизий – три танковые и две пехотные. Огромное встречное танковое сражение развернулось 7 августа – полторы тысячи наших и немецких бронированных чудовищ столкнулись на подступах к реке Вазуза, и к 10 августа наши взяли верх. В этот день полк Ушакова вышел к правому (восточному) берегу Вазузы, напротив деревни Лесничино. Немцы, конечно же, засекли выход батальонов и подготовку к переправе и вызвали бомбардировщики – те попытались бомбить, но были перехвачены истребителями. [...]

[...] Ещё сутки спустя полки 246-й дивизии чуть переместились по фронту, сменив соседнюю 69-ю дивизию, и заняли позиции у деревень Городец – Павловский – Февральский – Барановский – Девятино – Алексеевский. Полоса дивизии оказалась слишком большой, пришлось все три полка ставить на позиции. Ушаков этого не любил – вытягивать дивизию в одну линию, но выхода не было: иначе всю полосу обороны было не закрыть. Зато Батов передал в подчинение дивизии дополнительно два дивизиона 118-го арtpолка, роту минирования и целый батальон ПТР. Ушаков все принял, Батова поблагодарил. Белоглазову, своему начштаба, сказал – Вот, Иван Семенович, мы с вами как разбогатели! Батальон ПТР раздадим поротно в полки, как считаете? Артдивизионы подчините нашему командиру артиллерии Сергиенко, он сам разберется, куда их ловчее поставить. Минеры пусть прикроют все танковые направления...

Теперь фронт здесь замер до лета. Сложилась, в результате февральско-мартовских боев, та самая Курская дуга, которая далеко выдавалась в расположение немцев, а 246-я дивизия Евгения Григорьевича Ушакова встала на ее западном фланге, на правом фланге 65-й армии.

КУРСКАЯ БИТВА

«Операция на Курской дуге оказалась лебединой песней вермахта на Восточном фронте, его последним крупным наступлением...»

М. Гарде «Необычайная война».

[...] Лишь 18 августа дивизия Ушакова выбила их наконец из сильно разрушенного города Дмитровск-Орловский, и сразу же Модель начал отвод войск. Прежде он считал, что его задача – удержать Орловский выступ, теперь он торопился отвести войска на новую линию обороны. Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ганс Гюнтер Клюге тоже считал, что теперь главная задача «в том, чтобы поскорее оставить Курскую дугу».

Преследование отходящих немцев продолжалось шесть дней: 18 августа советские войска вышли к мощной укрепленной полосе «Хаген» и уперлись в нее...

ДИВИЗИЯ ПРОРЫВА

«У нас уже имелись данные, что гитлеровцы спешно оборудуют мощный рубеж по рекам Днепр и Сож – часть так называемого Восточного вала... Противник усиленно строит укрепления, подводит сюда войска. Значит будет держаться крепко».

К. Рокоссовский, из воспоминаний.

I

К линии немецких укреплений, за которыми 9-я армия укрылась после оставления Орловского выступа, 65-я армия Батова подошла всем своим широким фронтом. И сразу начала готовится к новому наступлению: теперь Рокоссовский поставил ее на направлении главного удара, нацелясь своими дивизиями на Севск. В ста километрах на запад от Севска текла уже похоловшая к осени Десна, и стоял на реке старинный русский город Новгород-Северский. Реку следовало форсировать, город взять. Еще дальше на запад, от Новгород-Северска в двухстах километрах, величаво бежит батюшка Днепр, и на нем стоял город Лоев.[...]

[...] В ноябре 1944 года пришел в Академию Указ о награждении Евгения Григорьевича еще одним орденом Боевого Красного знамени – за умелое руководство 37-й гвардейской дивизией в февральско-мартовских боях. Здесь же, в академии, ему и вручили коробочку с орденом – теперь у него было три «Знамени», столько же, сколько было у прославленных героев Гражданской войны, правда фамилии их, после политических процессов 1937 года, упоминать вслух не полагалось. Однако Евгений Григорьевич в душе никак не верил, что, скажем, трижды краснознаменец Витовт Казимирович Путна, доблестный командир 27-й Омской дивизии, в составе которой он,

красноармеец Ушаков, начинал свою службу – что это самый Путьна вдруг оказался «врагом народа»...

Выпуск в Академии состоялся в марте 1945 года. Командование Академии добилось в Наркомате обороны решения продлить срок обучения с 9 до 11 месяцев. Тот смуглолицый генерал, который сетовал в первый день на долгий срок обучения, мрачно пошутил насчет того, что нормальные роды все же через девять месяцев, а у них какая-то затяжная беременность, одиннадцатимесячная...

Перед отъездом из Москвы Евгений Григорьевич, как человек семейный, успел получить крохотную квартирку из двух комнат, и теперь, отправляясь опять на фронт, оставлял здесь жену и сына совершенно уверенный, что все несчастья позади и что ничего, никакого лиха с ними больше случиться не может. Потому в дороге думал не о них, а о том, что ждет его в армии? Куда определит его Павел Иванович Батов? Ушаков знал, как доблестно сражалась его 37-я гвардейская дивизия в боях за освобождение Белоруссии [...]

Фрагмент из повести В.Г. Рудина «Судьба солдата. Жизнь гвардии генерал-майора Ушакова Евгения Григорьевича». 1992 г.

ГАКО. Ф. Р-1240. Оп.1. Д.300. Л.1, 41, 42, 73, 88, 124.
Копия. Машинопись.

СОЛДАТ БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ

[...] Ушаков оказался «стреляющим» командиром». Он ставил батареи на закрытые огневые позиции, каждый раз разные, цели с позиций было не видно.

Сам с командирами уходил на НП. Цель, если смотреть в стереотрубу, казалась совсем рядом, руку протяни, и достанешь, хотя до нее было километров пять-шесть. Дальше начиналось таинство – нанесение на планшет исходных данных для стрельбы: ДК (дальность от командира до цели) и ДВ (дальность от командира до батареи), и еще расстояние от ОП до цели, исчисление углов артиллерийского треугольника. И еще важно знать, как стреляем. Огонь сосредоточенный, всеми стволами в одну точку, или наводим параллельно, разрывы пойдут по фронту. Выберем репер... Одинокая сосна на склоне – это хорошо, очень заметна, наводить легко... А если противник ее собьет, этот репер? Уж лучше кромка леса... Ну-с, товарищи командиры, засекайте время, следите за мной...

Ушаков учил людей стрельбе с сокращенной подготовкой. На эти расчеты отводилось от двух до трех минут, у Николая Григорьевича уходило не больше двух, иногда и полторы; после пристрелочных выстрелов брал цель в «вилку» - недолет столько-то метров, перелет столько-то, поправку вносил без расчета, по врожденной интуиции. После залпа всей батареей летели вверх бревна накрытого блиндажа, завтра хозроте строить новый, в другом месте, чтобы было по чему стрелять...

Потом Ушаков оборачивался к командирам – С кого сегодня начнем? Кто пробует первым? Командир обязан рассуждать вслух, что делает и почему... Ушаков слушал и кивал – Подавайте команду на ОП! Или усмехался – У вас снаряды куда пойдут? По цели или в обратную сторону?

Самих себя не накроем? Отойдите, сядьте в сторонке, пока ошибку не найдете, не подходите ко мне. Кто следующий?

22 мая 1942 года в полк нагрянуло высокое начальство с проверкой, которая длилась ровно неделю. Результаты проверки даже для самого Николая Григорьевича оказались неожиданными: полк был признан лучшим в округе по всем статьям. Комиссар из проверяющих, подводя итог, сказал Ушакову: «Даже не верится, что полк всего месяц как сформирован, он выглядит, как старый кадровый полк!»

...5 августа 1942 года 1166-й ПАП очутился в лесу под Коломной, в ста километрах южнее Москвы. Эшелон шел на фронт, чего ради завезли полк именно сюда. Ушаков не понимал: на Западном направлении в эти дни было достаточно спокойно, тяжелейшие бои шли много южнее, у Воронежа...

СТАЛИНГРАД

«... Уже очень скоро мы стали убеждаться в том, что нам не уйти с берегов Волги и что в Сталинграде настигла нас неотвратимая судьба».

Из воспоминаний Иоахима Видера,
офицера разведки 6-й германской армии.

Артиллерийский полк Н.Г. Ушакова бросили в самое пекло боев, на дальние подступы к Сталинграду, задача была – вместе с пехотой 62-й армии преградить путь к немцам, не пустить их к городу.

Ушаков знал, что броня немецких танков Т-4 удара его орудий не выдержит, но у него было всего тридцать шесть пушек, а у немцев целый танковый корпус, и уцелеть в том бою у артиллерийского полка – если немцы прорвут фронт, - никакой надежды не было: ни изменить позиции, ни

уйти от немецких танков полк не мог. Потому главная задача была – не допустить немцев на огневые позиции, расстреливать танки на расстоянии...[...]

[...] Теперь, когда бои в Сталинграде закончились, полк Ушакова из 21-й армии должны были забрать – то ли вывести в резерв Донского фронта, то ли перебросить на запад, на линию внешнего кольца, а куда именно Ушакову было неизвестно, но, прощаясь с ним, начальник артиллерии 51-й дивизии полковник Бобровников протянул бумагу: «Вот тебе, Николай Григорьевич, от дивизии великая благодарность, мы тебя представили к ордену Александра Невского, а твой полк – к ордену Боевого Красного знамени».

Но, как обычно бывает, командование Донского фронта рассудило по-своему. Оказалось, что генерал Казаков, командующий артиллерией фронта, внимательно присматривался к командирам артиллерийских частей, к их действиям, и полк Ушакова произвел самое лучшее впечатление: решения командира оказались в высшей степени грамотными, боевая стрельба эффективной, потери, при всем ожесточении боев, минимальными. Этот майор, призванный в армию из запаса, закончивший Томскую артшколу в давнем 1923 году, оказался прирожденным офицером, талантливым артиллеристом, и полк он сам сформировал, и выучил, и ввел в дело. Вот тут, 1 февраля, и поступило представление командующего 21-й армии генерала Чистякова. Генерал считал, что майор Ушаков достоин ордена Боевого Красного знамени, и Казаков это представление не только поддержал, но и от себя добавил: «А весь полк за грамотные действия, за великую самоотверженность в боях следует преобразовать в гвардейский». [...]

[...] Затем Ушакову пришлось подробно рассказывать о той тактике, которую он применил в борьбе с тяжелыми немецкими танками, командуя истребительной бригадой...

Гамов отпустил Николая Григорьевича только через час, заглядывавших в кабинет полковников с папками в руках выпроваживал нетерпеливым взмахом руки: «Не мешайте!». Прощаясь Гамов спросил: «Есть где

остановиться в Москве? Или устроились в офицерской гостинице? Ах, у сестры...». Предупредил: «На неделю я Вас задержу, раньше решение не могу принять...». Глядя в спину уходящего по ковровой дорожке подполковника, подумал сочувственно: «Как он управляется без руки? Как щеки бреет. Как китель застегивает? Как сапоги натягивает?».

Генерал-майор Гамов, после разговора с Ушаковым убежденный, что этот однорукий подполковник действительно полезен для армии, сделал за неделю два великих дела: он приказал включить подполковника Ушакова Н.Г. в приказ по армии о присвоении ему звания полковника, поскольку Указ давал для этого основание.

Сталин, как нарком обороны, подписал этот приказ за № 03589 десять дней спустя, 17 ноября.

В эти же дни Гамов запросил по ВЧ генерала Казакова: готов ли штаб артиллерии Белорусского фронта взять на службу полковника Ушакова, потерявшего в боях с немецко-фашистскими захватчиками правую руку?

Ответ пришел сутки спустя: штаб артиллерии фронта готов был принять Ушакова для прохождения службы.

[...] Перед началом нашего нового наступления Ушаков успел сделать многое. Разумеется, прежде всего, его разведчики до самого последнего дня, до сигнала атаки, каждую ночь проникали через немецкие позиции в их тыл. Одни поисковые группы возвращались благополучно, без потерь, другие прорывались обратно с боем, теряя людей, но, в конце концов, Ушаков получил довольно ясную картину расположения немецких позиций: противник успел создать основательную «ХКЛ», то есть «Хаупткамплинии», означает по-немецки «Главная боевая линия». Немцы отрыли траншеи полного профиля, глубина обороны достигала трех километров, между траншеями вырыты разветвленные ходы-сообщения, построены укрытия для пехоты; станковые и ручные пулеметы немцы во второй и третьей линиях траншей, на передней линии оставили небольшое количество кочующих пулеметов. В глубине немецкой обороны

обозначились артиллерийские и минометные позиции, калибры орудий от 75-ти до 150-ти миллиметров, еще семь минометных батарей; предполье немцы прикрыли колючей проволокой, где в два, где в три кола, спиралями Бруно, минными полями – выходит, немцы три месяца передышки тоже использовали максимально.

Поисковым группам удалось перетащить на нашу сторону несколько пленных, так что Николай Григорьевич точно знал, что в траншеях против него стоит 214-я пехотная дивизия, что в районе деревне Секерка сосредоточены тактические резервы: фузилерный батальон и батальон штрафников.

Николай Григорьевич приказал начальнику штаба Карчевскому: «Готовь, Иван Иванович, к 11 января боевой приказ по бригаде: каждый полк чтобы имел огневые разьезды, так их назови; начальниками огневых разьездов назначь заместителей командиров полков по строевой» [...]

[...] Утром 27 января Поваляев начал бой за город и к обеду выиграл его, массированного огня четырех дивизионов немцы не выдержали. Они и не думали контратаковать, стали поспешно отходить на запад, к Одеру, как делали это вот уже третью неделю...

Генерал Цветаев, командующий 62-м Неманским корпусом, в тот же день сказал Ушакову: «Николай Григорьевич, с твоей тактикой согласен: сажай на свои «студебеккеры» (устоявшееся название грузового автомобиля американской фирмы StudebakerCorporation– ред.) по одному батальону пехоты на каждый твой полк. Пехоту тебе даст 222-я дивизия. С каждым твоим полком пойдёт по батарее самоходок, тебе быть в группе старшим. С этого дня твоя группа будет двигаться впереди главных сил корпуса, задание на сутки будешь получать лично от меня. Отрыв от корпуса – не более чем на два перехода. Сядь немцам на пятки и не давай им оторваться! И помни: чем их больше уйдет за Одер, тем труднее нам будет форсировать реку!»

НА БЕРЛИН!

«Для высших командных инстанций начинается последний акт драматической гибели германских вооруженных сил».

Из дневника ОКВ,
запись от 20 апреля 1945 г.

[...]

Знал Казаков и о том, как с началом наступления действовала 35-я бригада, каким разумным офицером показал себя Ушаков: договорился с командующим корпусом и с его согласия собрал воедино все минометы пехотных частей, создал при себе ещё один минометный полк – массированным огнем пяти полков проломил, вспорол немецкую оборону, и покатались немцы от Вислы до самого Одера, за 21 день нашего непрерывного наступления нигде, ни на одной из семи линий обороны практически не зацепились, не удержались, не смогли...

Теперь, когда все бои остались позади, когда надо было решать, какой наградой увенчать все то, что свершил Николай Григорьевич, Казаков – при всем его уважении к мнению Н.Э. Берзарина! – все же отложил реляцию 5-й ударной армии и не колеблясь подписал представление на звание Героя Советского Союза.

Указ Президиума Верховного Совета последовал необычайно быстро – 31 мая 1945 года, а две недели спустя Николай Григорьевич Ушаков принял левой своей рукой Золотую звезду; чествование прошло по всем четырем полкам поочередно, чтобы никого не обидеть...

Фрагмент из документальной повести «Солдат божьей милостью».
1992 г.

ГАКО. Ф. Р-1240. Оп.1. Д.41. Л.1, 5, 6, 96, 177.

Копия. Машинопись.

**Писатели Г.Е. Юров (крайний слева),
З.А. Чигарёва (вторая слева). В.Г. Рудин (третий слева). Фотография.
ГАКО. Ф. Р-1240. Оп. 2. Д. 1.**

Личный фонд Виля Григорьевича Рудина
Р-1240, 414 ед.хр., 1931-1995 гг.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Артдивизион – артиллерийский дивизион (подразделение артиллерийского полка)

Артполк – артиллерийский полк

ВЧ - высокочастотная связь

ВКП (б) - Всероссийская Коммунистическая партия (большевиков)

Главсевморпуть – Главное управление Северного морского пути

Горпромсоюз – городской промысловый союз

ДОТ – долговременная укрепленная огневая точка

НКВД - Народный комиссариат внутренних дел СССР

Информбюро – Информационное бюро (главное советское новостное агентство)

КП – командный пункт

Культмассовик – организатор культурно-массовой работы

Литсотрудник – литературный сотрудник (сотрудник редакции газеты или журнала, ведущий литературную обработку публикуемых материалов)

МИД – Министерство иностранных дел

НП - наблюдательный пункт

ОКВ - Верховное главнокомандование вооруженными силами Германии

ОП - огневые позиции

ПАП – пушечный артиллерийский полк

ПВО – противовоздушная оборона

Разведбат – разведывательный батальон

СМЕРШ – военная контрразведывательная организация в СССР (сокр.от «Смерть шпионам!»)

СС – военизированные формирования нацистов в 1933—1945 гг., подчинявшиеся лично Гитлеру. В их ведении, в том числе, находились концентрационные лагеря смерти

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

Хозрота – хозяйственная рота (строевая и хозяйственная единица пехоты, отвечающая за технику, продовольствие и обмундирование)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ФОНДОВ

1. Р-1161 - личный фонд Евгения Сергеевича Буравлёва.
2. Р-1167 - личный фонд Георгия Антоновича Доронина
3. Р-1248 - личный фонд Геннадия Модестовича Молостнова
4. Р-1250 - личный фонд Михаила Александровича Небогатова
5. Р-1240 - личный фонд Виля Григорьевича Рудина

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Документы из личного фонда Е.С. Буравлёва

- № 1. Стихотворение Е.С. Буравлёва «Я мстить вернусь». 1942 г.
- № 2. Стихотворение Е.С. Буравлёва «Победить». 1942 г.
- № 3. Стихотворение Е.С. Буравлёва «Победа». 8 мая. 1945 г.
- № 4. Стихотворение Е.С. Буравлёва «Раздумье». 1943 г.
- № 5. Стихотворение Е.С. Буравлёва «Мечь». 1942 г.
- № 6. Стихотворение Е.С. Буравлёва «Посвящение А.С-кой». 1942 г.
- № 7. Стихотворение Е.С. Буравлёва «Подснежник». Апрель 1942 г.
- № 8. Стихотворение Е.С. Буравлёва «Разговор с Майором». 20 мая 1942 г.
- № 9. Стихотворение Е.С. Буравлёва «Посвящение В. Харьковцу». 1942 г.
- № 10. Стихотворение Е.С. Буравлёва «Встреча». Март 1942 г.
- № 11. Стихотворение Е.С. Буравлёва «Посвящение М. Шапиро». 1942 г.
- № 12. Стихотворение Е.С. Буравлёва «Нева». Май 1942 г.

Документы из личного фонда Г.А. Доронина

- № 13. Фрагмент поэмы Г.А. Доронина «Саша Сибиряков»

Документы из личного фонда Г.М. Молостного

- № 14. Рассказ Г.М. Молостного «Канун Великой Отечественной...»
- № 15. Рассказ Г.М. Молостного «Волжская переправа»
- № 16. Рассказ Г.М. Молостного «Комарик»
- № 17. Стихотворение Г.М. Молостного «Где-то в Бонне...»
- № 18. Стихотворение Г.М. Молостного «На углу авеню Санта-Моники...»
- № 19. Стихотворение Г.М. Молостного «Военный триптих»
- № 20. Стихотворение Г.М. Молостного «Вдова солдатская»
- № 21. Стихотворение Г.М. Молостного «Жажда жизни»

Документы из личного фонда М.А. Небогатова

- № 22. Стихотворение М.А. Небогатова «Моё поколение»
- № 23. Стихотворение М.А. Небогатова «По пути к передовой»
- № 24. Стихотворение М.А. Небогатова «Как хороша вода бывает в зной...»

- № 25. Стихотворение М.А.Небогатова «В полдень»
- № 26. Стихотворение М.А.Небогатова «Русский человек»
- № 27. Стихотворение М.А.Небогатова «В последний час»
- № 28. Стихотворение М.А.Небогатова «Как жаль, из строя вывело раненье...»
- № 29. Стихотворение М.А.Небогатова «Друг фронтовой...»
- № 30. Стихотворение М.А.Небогатова «Победа»
- № 31. Стихотворение М.А.Небогатова «Не виноваты мы перед друзьями...»
- № 32. Стихотворение М.А.Небогатова «Быть может, кто-то удивится...»
- № 33. Стихотворение М.А.Небогатова «Не обойдёшь сторонкою в беседе...»
- № 34. Стихотворение М.А.Небогатова «Не горюйте, друзья-ветераны...»
- № 35. Стихотворение М.А.Небогатова «Победа. Нету слова сокровеннее...»

Документы из личного фонда В.Г. Рудина

- № 36. Фрагмент повести В.Г. Рудина «Испытание боем»
- № 37. «Бородино. Пятые сутки». Фрагмент повести В.Г. Рудина «Испытание боем»
- № 38. «Бородино». Фрагмент повести В.Г. Рудина «Испытание боем»
- № 39. Фрагмент тезисов к сообщению В.Г. Рудина «32-я стрелковая дивизия В.И. Полосухина на Бородинском поле по немецким документам».
- № 40. Фрагмент повести В.Г. Рудина «Зажми сердце в кулак»
- № 41. Фрагмент повести В.Г. Рудина «Судьба солдата»
- № 42. Фрагмент повести В.Г. Рудина «Солдат божьей милостью»